

Анна Павловская

ПИЩА БОГОВ, ПИЩА ЛЮДЕЙ

Еда как основа
человеческой
цивилизации

Анна Павловская

**Пища богов, пища людей. Еда как
основа человеческой цивилизации**

«Автор»

2023

Павловская А.

Пища богов, пища людей. Еда как основа человеческой цивилизации / А. Павловская — «Автор», 2023

Мы знаем, что жизнь без еды невозможна, однако редко задумываемся над тем, что еда — важнейшая движущая сила истории. Может быть, поэтому такая очевидная тема, как история еды, не получила научного развития в нашей стране. В предлагаемой книге через призму истории еды рассматривается история древнего мира от начала так называемой «неолитической революции» до наступления Античности, то есть период, когда человечество совершило переход от собирательства и охоты к производству продуктов питания и заложило тем самым основу для возникновения первых мировых цивилизаций. Как, почему и где это произошло? Каковы были последствия, культурные и физиологические, этого перехода? Как он отразился в мифах и в мировых религиях? В книге также рассказывается об истории возникновения древнейших продуктов питания, многие из которых до сих пор присутствуют на нашем столе.

© Павловская А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Введение	5
Глава 1. Земледельческое чудо	8
Глава 2. Дар богов или потерянный Рай?	24
Глава 3. Каин против Авеля	39
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Анна Павловская

Пища богов, пища людей. Еда как основа человеческой цивилизации

Введение

Сотни тысяч лет млекопитающее из отряда приматов семейства гоминидов рода люди неспешно развивалось, медленно, но верно выделяясь из прочего животного мира. Как и другие млекопитающие, оно вскармливало своих детенышей грудным молоком, оно было всеядным, оно добывало свою пищу охотой на животных и сбором плодов, корней и зерен. Крайне медленно накапливались изменения. Оно овладело огнем – чудо, недоступное иным животным, – научилось не только греться у него, но и на нем готовить пищу, которая от этого сделалась разнообразнее, питательнее и вкуснее. Древние люди, в отличие от других животных, не имели острых когтей и клыков для охоты, а также теплой шерсти, защищавшей их от периодических похолоданий климата и наступления ледника. Они начали изготавливать орудия для добычи пропитания, обработки пищи и приготовления еды, шить одежду из шкур животных, строить жилища, в центре которых помещали очаг для обогрева и приготовления еды. Они стали совершать обряды для привлечения удачи в охоте и защиты от темных сил природы, создавать произведения искусства и овладели речью. Так, где-то 50 тысяч лет назад возник род людей, отнесенный в 1758 году шведским ученым Карлом Линнеем к виду *Хомо Сапиенс*, т. е. «человек разумный».

В течение последующих десятков тысяч лет человек разумный развивал и совершенствовал свои навыки. Он уже заметно выделился из животного царства, сумев овладеть некоторыми тайнами природы, встать вровень с ней. Он широко использовал огонь, научился запасать пищу и разнообразить свою еду нехитрыми способами ее приготовления, смог «договориться» с духами животных, на которых охотился, с помощью совершения разного рода магических ритуалов, знал, как задобрить Великую богиню-мать, прародительницу и кормилицу всего сущего. Казалось бы, жизнь наладилась и достигла своего апогея. Человек стал самым разумным из зверей и создал свой особый мир, научившись жить в единстве с природой.

Но затем произошло то, что некоторые ученые называют словом «революция», хотя более уместным представляется слово «чудо»: около 10 тысяч лет назад человек стал сеять зерно и одомашнил животных, т. е. научился сам производить продукты питания. С этого момента неспешная дотоле в своем развитии жизнь людей стала стремительно набирать обороты: развитие земледелия привело к оседлому образу жизни, строительству укрепленных поселений, а потом и градостроительству, накоплению избытков продуктов, разделению труда, обогащению одних и появлению социального и гендерного неравенства, созданию государств, развитию искусств и наук, появлению письменности – словом, возникновению того, что принято называть понятием «цивилизация». Сотни тысяч лет ушло на то, чтобы выделиться из животного мира, десятки тысяч – на то, чтобы получить право называться «разумным», и всего несколько тысяч – на создание современной цивилизации, в основе которой лежит умение самостоятельно производить свою пищу, что человек посчитал покорением природы.

С этого момента развитие людей пошло двумя путями. Одни продолжали идти традиционным путем, добывая себе пропитание охотой, собирательством и рыболовством, сохраняя в некоторой степени равенство и гармонию с природой. Эти народы в основном заселили окраины обитаемого мира, крайний север, недоступные горные районы или непроходимые джунгли, острова, затерянные в океане. В последние несколько сотен лет их образ жизни под-

вергся глобальным изменениям, поставив его, образ жизни, а вместе с ним и сами народы, на грань вымирания. Надо отметить, что этот «благородный дикарь», которого воспела эпоха Просвещения, не был ни благородным, ни дикарем. Как идеализация народов, живущих собирательством и охотой, так и их уничтожение одинаково неправомерны. Эти племена последние несколько тысяч лет идут своим путем, развивая и совершенствуя традиционные навыки, а также претерпевая свои изменения в развитии (поэтому не стоит воспринимать их как остатки древних людей). Для них также странен «цивилизованный» хлебоед, поедающий сэндвич за рулем автомобиля, как для нас – ритуальные игры кенийского племени Эль-моло вокруг пойманного в озере гиппопотама.

Другая часть людей, и число их неуклонно возрастало, по мере того как все больше племен и народов вовлекались в круг новой деятельности, пошла по пути развития земледелия и скотоводства, по пути цивилизации (по их собственному определению). Этот путь, и сопутствующие ему образ жизни и мировоззрение, стал главным для человечества, именно ему было суждено покорить практически весь мир. Именно о нем в первую очередь и пойдет речь в данной книге¹.

Хронологические рамки рассматриваемого периода открываются появлением земледелия и одомашниванием животных примерно в X–VIII тысячелетии до н. э., совпавшими с окончательным отступлением ледника. В этот период произошло становление того, что в научной литературе получило название производящего хозяйства, сложились основные традиции выращивания зерновых и других продуктов питания, были выведены культурные сорта растений, а также появились новые виды домашних животных. Одновременно с этим сложились особые верования и культы, связанные с новыми видами хозяйствования, был создан пантеон архаических богов, появились предпосылки для складывания основных мировых религий. Новая система хозяйства породила разделение людей на базовые группы, в зависимости от их системы питания, став основой векового противостояния: сначала охотников-собирателей и земледельцев-скотоводов, а позднее земледельцев и скотоводов.

Под влиянием новых видов питания и обработки пищи человек меняется как биологически, так и социально. Он начинает употреблять в пищу молоко и соль, еда становится мерилом общественного положения, а позднее и племенной, этнической и религиозной идентификации. В этот период происходят кардинальные перемены, определившие традиции питания человечества на последующие тысячелетия, вплоть до второй половины XX века, когда достижения того, что принято называть научно-технической революцией, в сочетании со всемирной глобализацией культуры серьезным образом изменили систему питания людей. Завершает рассматриваемый период эпоха, называемая Античностью, начало которой относят к первым векам I тысячелетия до н. э. В античный период система питания людей претерпела серьезные изменения, поэтому есть необходимость рассмотреть его отдельно.

Обсуждаемый в книге период включает в себя такие условные эпохи, как мезолит (средний каменный век), неолит (новый каменный век), медный и бронзовый века. Заметно расширяется круг источников, которые дают нам материал по истории еды и традициям питания человека древности. Разнообразятся и множатся традиционные данные: археологии, которые выходят за рамки «камни-кости», и этнографии, а также древние мифы и сказания, легенды и обряды. Появляются и новые источники: произведения искусства, мировые религии, наконец, в этот период возникает письменность, дающая прямую информацию по теме.

Однако многообразие источников в данный период далеко не всегда способствует нахождению ответов на все важнейшие вопросы, связанные с жизнью и бытом древнего человека.

---

¹ Предшествующий период рассматривается в книге А. Павловской *Кухня первобытного человека*. М., «Ломоносовъ», 2015.

Нераскрытых тайн, пожалуй, даже становится больше, в сравнении с предыдущим периодом, хотя бы уже потому, что растет число и самих проблем.

Глава 1. Земледельческое чудо

Величайший переворот в истории человечества остался человеком незамеченным. Он не был единовременным или определенно локальным. Он занял несколько столетий, а может, и больше. И случился независимо в разных точках земного шара. Он не вошел в анналы истории, потому что человек еще не умел писать. А когда научился, произошедшее уже стало обыденностью, и человека больше волновали имена правителей, великие сражения и подсчет своего богатства. Более пяти тысяч лет человек записывал свою историю, победы и поражения, завоевания и потери. Он фиксировал свои размышления о жизни и смерти, вселенной и разуме, времени и пространстве и очень много размышлял о самом себе. И почти ничего не оставил о том, что сделало его тем, кем он стал. Он упивался своим положением царя природы, гордился достижениями своей цивилизации, пытаясь временами обуздать себя смирением перед высшими силами, но каждый раз вырываясь на свободу. В своей гордыне человек забыл о том, что послужило основой для его цивилизованного существования, возможно, забыл вполне осознанно, слишком загадочным было случившееся с ним.

Только совсем недавно, не более двух-трех столетий назад (а что это за время для тысячелетней истории человечества!), человек обратился к своим истокам и попытался понять, что же все-таки случилось с ним 10–12 тысяч лет назад и как произошедшее повлияло на его жизнь и жизнь планеты. Сначала в 1735 году шведский естествоиспытатель Карл Линней поместил человека в общую таблицу животного мира, присвоив его виду наименование «Гомо сапиенс», «человек разумный», что подразумевает наличие и других «гомо», не таких сапиенс. В разделе видовых отличий человека Линней, словно в насмешку, привел античное изречение «Познай самого себя», вероятно намекая человечеству на то, что пора уже начать это делать, посмотреть на себя незатуманенными гордыней глазами.

Более века спустя Чарльз Дарвин объяснил все многообразие системы животного мира, в которую теперь прочно был включен «гомо», эволюцией и естественным отбором. Получалось, что человек, сотворенный по образу и подобию Божьему, менялся на протяжении истории, как и другие виды, да еще и под влиянием биологических и климатических факторов. А значит, должны были существовать в его истории некие ключевые моменты, изменившие его животную первооснову.

Одновременно с созданием биологической систематизации шло осознание социальной эволюции человека. Немногим позже Линней шотландский философ Адам Фергюсон (1723–1816) разработал теорию о стадильности человеческого развития: от дикости к варварству и от варварства к «цивилизованным нациям». Свой основополагающий труд «Опыт истории гражданского общества» (1766) он открывает программным заявлением: «Произведения природы, как правило, формируются постепенно. Овощи вырастают из нежных ростков, а животные – из детенышей. Последние, будучи предопределены к действию, расширяют сферу своей жизнедеятельности по мере возрастания собственных сил, демонстрируя прогресс, как в плане самой этой жизнедеятельности, так и в плане обретения новых способностей. Если же говорить о человеке, то здесь указанный прогресс идет дальше, чем у любого другого животного. Путь от младенчества к зрелости прodelьывает не только каждый отдельный индивид, но и сам род человеческий, движущийся от дикости к цивилизации»².

Фергюсон еще помнит о двойственном отношении к понятию «дикость». Античные авторы именовали ее «золотым веком» и воспевали простоту и естественность первобытного человека, получавшего пищу и кров от матушки-природы.

---

² Глава 1 Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М., 2000. С. 2.

Древнегреческий поэт Гесиод, живший где-то в VIII–VII веках до н. э., оставил нам первое описание древних эпох, которых он насчитывал пять: блаженное «золотое» поколение, преисполненное гордыней «серебряное», воинственное «медное», славное и безмятежное «четвертое» поколение, среди которых называются и герои, погибшие в Трое. Наконец, «железное» поколение, современное самому Гесиоду, представляется самым жалким из всех. «Не будет // Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя, // И от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им», – утверждает поэт и вздыхает: «Если бы мог я не жить с поколением пятого века!» («Труды и дни», 178).

Мифологическое мировоззрение Античности, а под ее влиянием и Средневековья, видело развитие человечества как путь постепенной утраты божественного начала. Поддерживало эту идею и христианство: человек в древности по своей же вине потерял Рай и обречен на прозябание и мечты о лучшей жизни.

Рациональное, атеистическое и самонадеянное Просвещение породило идею прогресса, неуклонного развития человеческой цивилизации вперед, к лучшему. Адам Фергюсон обращает внимание на подъем интереса современной ему эпохи к первобытному человеку: «К этому давнему времени обращают свои взоры поэты, историки и моралисты, живописуя – под знаком либо золота, либо железа – те условия и тот образ жизни, начиная с которых имело место то ли вырождение, то ли изрядное самосовершенствование человечества».

У шотландского мыслителя нет сомнений, каждая следующая эпоха – это шаг вперед, и именно это отличает человека от остальных животных: «У других видов животных всякая отдельно взятая особь движется от младенчества к зрелости и в ходе своей индивидуальной жизни достигает всего того совершенства, на которое способна его природа; что же до человеческих существ, то у них прогрессирующему развитию подвергается весь вид, а не только отдельные особи; каждое последующее поколение надстраивает что-то на той основе, которую оставляют ему предки, и с течением времени все более совершенствуется в приложении тех своих способностей, для раскрытия которых требуется длительный опыт и кои служат объектом сложения усилий многих поколений»³. Исходя из этого положения, Фергюсон предлагает изучать историю древности, основываясь не на «фантазии», а на наблюдении за теми современными ему племенами, которые, с его точки зрения, находятся на стадии дикости и варварства. Он посмеивается над древними римлянами, которые не понимали, что, описывая окружавших их варваров, они упустили возможность понять своих собственных предков.

Льюис Генри Морган, а позднее Фридрих Энгельс развили и доработали периодизацию Фергюсона, разделив три главных эпохи на отдельные стадии и окончательно закрепив идею прогресса в развитии человечества.

Первая половина XX века наконец-то обратила свое внимание на тот грандиозный переворот, который произошел в человеческой истории в эпоху, за которой закрепилось название неолита, нового каменного века. В 1923 году британский археолог Вир Гордон Чайлд (1892–1957) назвал случившееся «революцией», и термин этот прижился. В то же время великий русский ученый Н. И. Вавилов (1887–1943) создал учение о центрах происхождения культурных растений, по сей день сохраняющее свое научное значение и являющееся основой для всех современных построений на эту тему.

Событием, изменившим ход истории человека, было появление земледелия и скотоводства. Золотые нивы и тучные стада настолько стали привычной частью жизни человека, что трудно представить, что когда-то их не существовало. А вместе с тем их появление является одной из главнейших загадок истории человечества. До сих пор никто так и не доказал, как, где и когда произошло это судьбоносное событие. Помимо этого, так и неясно, что послужило толчком для подобного переворота и как его оценивать – как утрату Рая или обретение ста-

---

³ Там же. С. 4.

бильности. В связи с этим принятый сегодня в науке термин «неолитическая революция» представляется не совсем справедливым. Революция – акт вполне конкретный, единовременный и решительный. Он предполагает активные действия и разрушительный результат. В вопросах же появления сельского хозяйства больше тайн, чем событий, здесь все смутно, туманно и расплывчато. «Неолитическое чудо» представляется более уместным, в крайнем случае «переворот», как нечто более аморфное, чем революция.

Попробуем же разобраться с тем, что произошло в те далекие времена. В упрощенном виде, если суммировать мнение большинства учебников и трудов по данной теме, картина выглядит следующим образом. Основой существования первобытного человека были охота и собирательство. Женщины, собирая дикие злаки, зерновые и зернобобовые, случайно (!) подметили, что из крупных семян, оброненных около жилища, вырастают сильные растения, дающие хорошие плоды. Они стали отбирать крепкие семена и сознательно сажать их на поле по соседству. Изменения в климате после отступления ледника привели к тому, что дикие растения особенно охотно подвергались domestикации. В итоге через сотни или тысячи лет подобной практики появились окультуренные сорта растений, и результат был настолько впечатляющ, что люди отказались от привычного образа жизни и вышли на новый путь развития.

Мужчины в это время совершенно случайно (!) обратили внимание, что спасенные ими во время охоты детеныши диких животных отлично приживаются в неволе. Они отбирали самых живучих и сильных, скрещивали их и получили в итоге через сотни, тысячи лет столь мощное поколение, что отказались от привычного образа жизни и вышли на новый путь развития. Изменения в климате помогли им в нелегком деле domestикации диких доселе животных. В этой схеме ключевыми факторами являются: случайность, постепенность и климат.

Надо сразу оговориться, что приручение и одомашнивание (окультуривание) – это не одно и то же. Приручение не меняет сущности ни диких животных, ни диких растений, они просто существуют в неволе. Одомашнивание же создает новый вид, часто очень далекий от дикого оригинала, оно нередко меняет его до неузнаваемости, подстраивая под нужды человека. Так, например, дикие овцы в природе имеют короткую шерсть, а те, которые выведены человеком для производства шерсти, представляют собой ходячие пушистые запасы сырья. Дикие зерновые растения, как правило, в зрелом виде невозможно собрать. Они рассыпаются при прикосновении, их можно собирать только недозрелыми. К тому же они мелкие и невзрачные. А одомашненные виды представляют собой тугие колосья, состоящие из крупных зерен. Они столь далеки от оригинала, что порой невозможно определить дикого предка того или иного растения или животного.

Переворот, произошедший в эпоху неолита, где-то примерно 10–12 тысяч лет назад, заключался в том, что появился абсолютно новый тип хозяйства и, соответственно, питания, основанный на производстве и потреблении совершенно новых продуктов, созданных человеком. Простота же описанной выше картины произошедшего кажущаяся, ничего не объясняющая в том, что же случилось на самом деле. Увы, вопросов здесь больше, чем ответов, хотя большинство ученых и продолжает уверенно держаться привычной и удобной схемы.

Споры же в основном ведутся относительно того, где и когда впервые произошел переход к новому типу хозяйства. И это легко объяснимо: фактически это единственный вопрос в сей сложной теме, который можно убедительно доказать или опровергнуть с помощью научных фактов – археологических находок. Все остальное, главное, относится к области гипотез и предположений. К счастью, с точки зрения темы питания ни точное время, ни место возникновения земледелия и скотоводства значения не имеют, важен сам факт произошедшего и его последствия. Так что ограничимся в этом вопросе лишь общепринятыми мнениями, которые разделяет большинство ученых.

Когда

Около 12 тысяч лет назад в образе жизни древнего человека отмечают постепенные изменения. Отступает ледник, меняется климат, а вместе с ним и флора, и фауна обитаемой земли. Человек начинает больше употреблять растительной пищи, чем раньше (или от этой эпохи просто сохранилось больше свидетельств?). Значительную часть в его рационе теперь составляют дикие злаки, о чем, в частности, свидетельствует увеличение числа находимых археологами каменных ступ-зернотерок. Охота становится более специализированной, регионально обусловленной – в одних местах на стоянках преобладают кости газелей, в других – овец, коз, оленей, кабанов и т. д.⁴

Наглядный пример изменений в диете древнего человека того периода дают данные Натуфийской археологической культуры, которая существовала на восточном побережье Средиземного моря, на территории Леванта. Некоторые исследователи даже полагают, что ее представители были первыми известными науке земледельцами⁵. Датируют ее 11 000–10 800 годами до н. э. Питание натифийцев было весьма разнообразным. Из мясных блюд предпочитали мясо газели, хотя изредка баловали себя и олениной или свининой, иногда зайчатинной. Охотились на птиц, особенно в долине реки Иордан, где гнездились утки. В пресноводных озерах ловили рыбу (морскую – крайне редко). На некоторых приморских стоянках находят россыпи морских раковин. Особое место на их столе (если таковой был) занимали зерновые и бобовые культуры. Об этом свидетельствует разнообразие и обилие различных инструментов, среди них зернотерки и терочные камни, каменные серпы. Найдены также зернохранилища, есть косвенные свидетельства того, что натифийцы умели плести корзины, в которых переносили зерно. Кроме зерна и бобов, жители потребляли миндаль, желуди и другие плоды.

Большинство ученых сходится на том, что переход к земледелию и скотоводству начался примерно 10–9 тысяч лет назад, зарубежные исследователи склонны порой удлинять этот период, российские более осторожны и предпочитают его немного сокращать. К 6700-м гг. до н. э. можно говорить о появлении нового типа экономики, основанной полностью на земледелии и скотоводстве, на весьма значительных территориях Ближнего Востока⁶. Началась новая эра в истории человечества.

Где

Наиболее стройную и обоснованную картину происхождения культурных растений создал академик Н. И. Вавилов. Его выводы стали результатом более сотни экспедиций, как по самым разным регионам СССР, так и по десяткам стран мира.

В 1926–1928 годах, в крайне беспокойное в мире время, особенно тяжелое для Советской России, Вавилов смог посетить множество стран и регионов. Вот лишь их краткое перечисление: Страны Средиземноморья, включая Марокко, Алжир, Тунис, Египет, Португалию, Испанию, Италию, Грецию, всю Малую Азию, Сирию, Палестину; из островов: Сицилию, Сардинию, Крит, Кипр и Родос. Были подробно изучены: Абиссиния, Эритрея, Персия, Афганистан, Западный Китай, Монголия, Япония, Корея, Индия, Ява, Цейлон, Закавказье, Туркестан.

---

⁴ The Cambridge World History of Food. In 2 vols. V. 2. Cambridge, 2000. P. 1124.

⁵ Например, см. Bar-Yosef, Ofer The Natufian Culture in the Levant, Threshold to the Origins of Agriculture // *Evolutionary Anthropology*, 1998, 6 (5): 159–177. Материалы по натифийской культуре взяты преимущественно из этой статьи.

⁶ The Cambridge World History of Food. V. 2. P. 1125.

В Новом Свете: вся Мексика, Гватемала, Колумбия, Перу, Боливия, Чили, субтропические районы США⁷.

Во многие регионы он проник первым или одним из первых ученых. Например, в Нуристан, высокогорную провинцию Афганистана, в то время закрытую для европейцев вообще. За эту экспедицию Географическое общество СССР присудило Николаю Вавилову золотую медаль имени Н. М. Пржевальского «За географический подвиг». Из экспедиции Вавилов писал другу: «Путешествие было, пожалуй, удачное, обобрали весь Афганистан, пробрались к Индии, Белуджистану, были за Гиндукушем. Около Индии добрали до финиковых пальм, нашли прарожь, видел дикие арбузы, дыни, коноплю, ячмень, морковь. Четыре раза перевалили Гиндукуш, один раз по пути Александра Македонского»⁸. Поездка подтвердила предположение Вавилова о том, что именно в Афганистане находятся центры происхождения некоторых важнейших для человека растений.

Поездки Вавилова были поистине подвигом во имя науки. На него нападали разбойники и крокодилы, его палатка подвергалась нашествию скорпионов и змей, приходилось терпеть жар и холод, пьянство местных проводников, угрозы со стороны диких племен, его мучили приступы болезней и лихорадка. Жизнь ученого не раз подвергалась смертельной опасности.

Вавилова принимали за советского шпиона или агитатора, и иногда приходилось терять драгоценное время, ожидая виз в ту или иную страну. И вместе с тем его авторитет в мире среди ученых все возрастал. Так, на состоявшемся в США в 1921 году Международном конгрессе по сельскому хозяйству, на котором присутствовали виднейшие ученые всего мира, выступление Вавилова произвело сенсацию. Портреты его печатались на первых полосах газет и сопровождались словами: «Если все русские такие, как Вавилов, нам следует дружить с Россией»⁹. Напомним, что между Россией и США тогда еще не существовало дипломатических отношений.

Итогом научных экспедиций Вавилова стало создание уникальной коллекции культурных растений, не имеющей аналогов в мире. Он не только записывал, наблюдал и изучал, но и собирал образцы: к 1940 году их насчитывалось более 250 тысяч. Удивительна судьба коллекции: во время Великой Отечественной войны она хранилась в блокадном Ленинграде, и умиравшие от голода хранители ее не тронули ни зернышка из этого собрания зерновых культур. Этот подвиг во имя науки поразил тогда весь мир. Коллекция сохранилась, а вот ее собирателю, увы, повезло меньше. Вавилов был арестован, осужден и, по имеющимся данным, погиб в лагерях, по иронии судьбы от голода и истощения.

Н.И. Вавилов был ботаником, и проблемы, которые он решал, находились в естественно-научной сфере, а также в прикладной, касавшейся развития сельского хозяйства. Однако он не мог не затрагивать и вопросов, пусть и вскользь, касавшихся исторических аспектов. В своих дневниках он отмечал: «Невольно исследователь растительных культур подходит вплотную к проблеме автономии и взаимоотношения человеческих культур. Мы не сомневаемся в том, что, детально изучив очаги формообразования важнейших культурных растений, ботаник в состоянии внести существенные поправки в представления историков и археологов. Автономные очаги генов культурных растений являются и вероятными автономными очагами человеческой культуры»¹⁰. Так был намечен новый подход к изучению мировой истории.

---

⁷ Данные по: Вавилов Н.И. Проблема происхождения мирового земледелия. М.-Л., 1932. С. 5.

⁸ Цит по: Резник С. Николай Вавилов. ЖЗЛ. М., 1968. С. 174.

⁹ Там же. С. 122.

¹⁰ Цит. по: Всемирная история в 6 томах. Т. 1. М., 2011. С. 54.

Итогом кропотливой и обстоятельной работы стало выделение семи основных мировых центров происхождения культурных растений и в то же время семи вероятных очагов самостоятельного возникновения земледельческой культуры¹¹.

1. *Южноазиатский тропический центр* включает территории тропической Индии, Индокитая, Южного Китая и островов Юго-Восточной Азии. Из этого центра ведет начало около одной трети возделываемых в настоящее время растений (по некоторым данным – до половины). Здесь родина риса, сахарного тростника, большого количества тропических плодовых и овощных культур, в том числе огурца, баклажана, черного перца.

2. *Восточноазиатский центр* включает умеренные и субтропические части Центрального и Восточного Китая, Корею, Японию и большую часть о. Тайвань. Это родина таких растений, как соя, различные виды проса, гречиха, многие овощные культуры (китайские капуста, редька, ямс и др.), и огромного числа плодовых, среди них цитрусовые, персик, слива, вишня, чайное дерево, тутовое дерево. По данным Вавилова, около 20 % всей мировой культурной флоры ведет начало из Восточной Азии.

3. *Юго-западноазиатский центр* включает территории внутренней нагорной Малой Азии (Анатолии), Ирана, Афганистана, Средней Азии и Северо-Западной Индии. Сюда же примыкает Кавказ, культурная флора которого, как показал Вавилов, генетически связана с Передней Азией. По пшенице и ржи – это наиболее важный мировой очаг их видового происхождения. Около 14–15 % всей мировой культурной флоры ведет начало с этой территории. В исключительном видовом разнообразии здесь сосредоточены дикие родичи ячменя, пшеницы, ржи и различных европейских овощных (бобы, горох, чеснок, морковь) и плодовых (яблоня, груша, алыча, абрикос, гранат, айва, черешня, миндаль) культур. «Не случайно здесь географически локализуются по библейской легенде первобытные райские сады», – отмечает Вавилов.

4. *Средиземноморский центр* включает страны, расположенные по берегам Средиземного моря. Этот замечательный географический центр, характеризующийся в прошлом величайшими древнейшими цивилизациями, дал начало приблизительно 10–11 % видов культурных растений. Среди них такие, как маслина, рожковое дерево, множество овощных и кормовых культур – свекла, капуста, петрушка. Зерновые и бобовые здесь, по наблюдениям Вавилова, были заимствованы, но они более крупные и отличаются более высокими качествами по сравнению с азиатскими оригиналами, чему, по мнению ученого, способствовали «мягкий климат, культурность населения»; «над ними работал первобытный селекционер».

5. *Эфиопский центр*. Самостоятельным географическим центром является небольшая Абиссиния. Этот маленький очаг весьма своеобразен, он содержит «максимум мирового сортового разнообразия по пшенице, ячменю», сорго. Здесь сосредоточены преимущественно полевые культуры, нет плодовых деревьев, мало огородных растений. Здесь же находится родина кофейного дерева. Общее число видов культурных растений, связанных по своему происхождению с Абиссинией, не превышает 3–4 % мировой культурной флоры.

6. *Центральноамериканский центр*, охватывающий обширную территорию Северной Америки, включая Южную Мексику. Из Центральноамериканского центра ведет начало около 8 % различных возделываемых растений, таких как кукуруза, хлопчатник-упланд, ряд видов фасоли, тыквенных, какао, или шоколадного дерева, многих плодовых (например, авокадо).

7. *Андийский центр*, в пределах Южной Америки, приуроченный к горам Андам. Это родина многих клубненосных растений, прежде всего картофеля. Отсюда ведут начало хинное дерево и кокаиновый куст.

И по сей день версия Вавилова, как и выделенные им регионы возникновения очагов земледелия, является главенствующей в науке, причем не только отечественной, но и зарубеж-

¹¹ Изложено по: Вавилов Н.И. Пять континентов. М., 1987. С. 26–30; Вавилов Н.И. Проблема происхождения мирового земледелия. С. 7–11.

ной. Ее уточняют, дополняют, сокращают, немного перекраивают, но основа сохраняется. Так что можно принять ее за основу и считать именно вышеназванные регионы местом возникновения нового типа хозяйствования человека и одновременно с этим нового образа жизни.

Процесс одомашнивания растений шел в этих регионах независимо друг от друга, хотя и не одновременно, согласно современным концепциям, он растянулся на 5–6 тысячелетий. На Ближнем Востоке его начало относят к IX тысячелетию до н. э., в Китае к VII тысячелетию, в Центральной и Южной Америке, а также в Африке – к III–II тысячелетиям до н. э.

Древнейший центр мирового земледелия получил в науке название «Плодородного полумесяца» (в классификации Вавилова он идет третьим, хотя в ранних работах 1920-х годов он ставил его на первое место). Термин был введен американским археологом-египтологом Джеймсом Брэстедом (1865–1935) в начале XX века. В современном значении «плодородный полумесяц» охватывает древние плодородные земли, включающие долину и дельту Нила, Месопотамию, долины рек Тигра и Евфрата, Левант, побережье Средиземного моря. Территория эта отдаленно по форме напоминает полукруг – полумесяц. Эти же места называют и «колыбелью цивилизации», в отличие от «плодородного полумесяца» этот термин вызывает массу споров, так как на роль «колыбели» претендуют и другие центры древнего земледелия. И все-таки древнейшие на сегодняшний день находки как культурных растений, так и следов того, что принято включать в понятие «цивилизация» – письменность, сельское хозяйство, города, монументальная архитектура, металлургия, классовое неравенство и прочее, – относятся именно к этому региону. Что несколько не умаляет значение и самостоятельность других регионов, в которых земледелие и идущая рука об руку с ним «цивилизация» возникли несколько позднее.

Что

За звание древнейшего окультуренного растения идет борьба между ячменем и пшеницей. Долгое время ячмень считался древнейшим, таковым полагали его еще в Античности, например Плиний Старший. Однако археологические находки последних десятилетий свидетельствуют об одновременном распространении этих культур на Ближнем Востоке примерно 10 000 лет назад¹². Причем часто их находят вместе, на одних и тех же поселениях. Несколько тысяч лет они идут рука об руку, а затем, во времена поздней Античности, пути их расходятся: ячмень переходит в разряд пищи простой, сытной, полезной, но незатейливой и ассоциирующейся с бедностью. А пшеница становится королевой зерновых, являясь по сегодняшний день главной хлебной культурой.

Именно культивация (выращивание) и доместикация (одомашнивание) этих двух культур и легли в основу неолитической революции и привели к появлению земледелия. Они стали основой первых земледельческих хозяйств древнейших цивилизаций: Месопотамии, Египта, Индии, других регионов Ближнего Востока и Средиземноморья.

Овес был спутником ячменя и пшеницы на протяжении всей их «культурной» истории. Он засорял древние поля и продвигался с ними по миру по мере распространения земледелия. Но если в южных регионах овес вызывал исключительно раздражение (Вергилий еще в I веке до н. э. писал: «И в бороздах, которым ячмень доверяли мы крупный, // Дикий овес лишь один да куколь родится злосчастный» [«Буколики», V-35]; куколь – маленький фиолетовый цветочек, тоже злостный сорняк), то в северных регионах он обрел новую жизнь. Первые достоверно окультуренные зерна овса встречаются во II–I тысячелетии в Центральной Европе, а в полной

---

¹² Данные о датировках культивации зерновых растений основаны на данных The Cambridge World History of Food. In 2 vols. V. I. Cambridge, 2000.

мере его оценили так называемые варварские народы уже в начале новой эры. Тот же Плиний писал о том, что германцы живут одной овсяной кашей.

Сорняком долгое время была и рожь. Она столь устойчиво сопровождала пшеницу и ячмень на протяжении всей их истории, что некоторые исследователи сомневаются, не выращивали ли ее все-таки намеренно. Однако современные наблюдения говорят об ином: по сей день на Ближнем Востоке и в Малой Азии рожь засоряет посевные поля. Ее собирают вместе с пшеницей и ячменем, хотя никто специально не сажает. Получается питательная зерновая смесь. Более того, поскольку рожь устойчива к холодам, в случае неурожая основных зерновых она становится настоящим спасением, за что получила от анатолийских крестьян прозвание «пшеница Аллаха»¹³. Считается, что Бог посылает ее намеренно, если гибнет пшеница. Лишь в северных регионах Европы рожь обрела свое подлинное значение.

На своеобразии завоевания своего места на столе человека овсом и рожью (и процесса их окультуривания) указывал еще Вавилов. Он писал: «Наши исследования показали, что в процессе расселения культурных растений к северу, в высокогорные районы, шло иногда вытеснение основных культур их спутниками-сорняками в том случае, если последние представляли интерес для земледельца. Так, озимая пшеница с переходом ее культуры к северу из Юго-Западной Азии, ее основного центра происхождения, была вытеснена в ряде районов Азии и Европы более зимостойкой и сернополевой озимой рожью. Так, ячмень и полба вытеснялись сорняком-овсом, менее требовательным к почве и климату»¹⁴.

В Мезоамерике (так называют срединную часть, соединяющую Северную и Южную Америку, примерно от центра Мексики до Никарагуа и Гондураса) земледелие сложилось вокруг выращивания кукурузы (или маиса) примерно от 7 до 10 тысяч лет назад. На протяжении многих тысячелетий, вплоть до прибытия на американский континент европейцев, маис был главной сельскохозяйственной культурой индейских племен, для некоторых, как майя и ацтеки, – основой существования. Медленно, но верно распространялся он в разные направления из центра, пока не завоевал южную (4–6 тысяч лет до н. э.) и часть северной Америки (значительно позднее). Коренное население Америки считало кукурузу даром богов, своей «матерью», «кровью», божеством. Она стала не только основой питания, но и воплощением самой жизни, форма растения напоминает человеческую, что использовалось в ритуальной символике.

Рис – еще один древний злак, культивация которого положила начало земледелию в некоторых регионах Индии, Юго-Восточной Азии, Южном Китае. Ученые до сих пор не пришли к единому мнению ни о происхождении риса, ни о месте и времени его начальной доместики. Ситуация осложняется как недостаточным числом археологических данных, так и политическими моментами: за право «первенства» активно сражаются индийские и китайские ученые. Сегодня рис входит в число трех важнейших зерновых культур мира и является основой питания многих стран, среди которых самые густонаселенные в мире Китай, Индия и Индонезия. Более или менее общепризнанной на Западе является версия о том, что выращивание риса началось примерно 10 000 лет назад или даже ранее в Индии (Вавилов считал, что рис происходит именно из индийского региона), Китае и других тропических регионах Азии. Однако цифра эта представляется несколько завышенной, отечественные авторы¹⁵ относят возникновение земледелия вообще в Древней Индии к IV тысячелетию до н. э., и началось оно с выращивания ячменя и пшеницы. Роль риса стала заметной несколько позже, начиная со II тысячелетия до н. э. К слову сказать, то, что сейчас продается как «дикий рис», никакого отношения к

---

¹³ Ibid. V. 1. P. 149.

¹⁴ Вавилов Н.И. Проблема происхождения мирового земледелия. С. 13.

¹⁵ См., например, История древнего мира. В 3 тт / под ред. Дьяконова И.М., 3-е изд., М., 1989. Т. 1. С. 162; Бонгард-Левин Г.М. Древняя Индия. 2001. С. 24–26.

происхождению «настоящего» риса не имеет, это особое растение, дальний родственник азиатского риса, произрастающее в Северной Америке в диком виде, издавна любимое североамериканскими индейцами.

Некоторую загадку представляет собой такой древний злак, как просо (в очищенном виде его зерна называются в русском языке пшеном). Дело в том, что это название применяют к большому числу самых разных зерновых культур (в английском языке millet относят практически ко всем зерновым, не относящимся к крупным группам вроде ячменя и пшеницы). Так что здесь неизбежно возникает путаница. К тому же просо сегодня практически не употребляется в пищу в Европе, и многим авторам просто трудно поверить в его прошлую популярность (человеческий фактор в вопросах изучения традиций питания имеет большое значение).

Наиболее широкое распространение просо обыкновенное имело в Китае (особенно в северных областях), откуда оно, по всей вероятности, и родом. Просо стали возделывать в Китае раньше риса, во всяком случае, популярность его на севере (наряду с пшеницей) была гораздо больше еще в Средние века. Об этом же свидетельствует и китайская мифология: так, легендарный китайский император Шэнь-нун, его еще называли «Священный земледelec», якобы живший 4500 лет назад, научил китайцев земледелию. Так вот начал он с проса, которое упало с неба, а только потом уже появился рис и все остальное (он, кстати, научил, согласно легенде, китайцев и пить чай). По другой версии окультурил и подарил людям просо Хоу-цзи, прозываемый Государь-просо. А до него почиталась забытая позднее Му-цзи – «мать-просо», женский образ богини плодородия указывает на его древность. Из проса готовили и пиво в древности. Согласно последним данным, возделывать просо в Китае стали 5000 лет назад, а в Европе 3000 лет назад. Однако, возможно, в Китае это случилось и раньше.

Есть еще некоторое число популярных зерновых растений, таких как сорго, которое предположительно возделывают в Африке минимум 5000 лет. Или столь любимая в России гречиха, родиной которой считают Манчжурию и которую выращивали в Китае 3000 лет назад (на сегодняшний день имеются находки в Японии, относящиеся аж к 5000 до н. э., но их еще предстоит изучить и осмыслить). Их одомашнивание относится к более поздним эпохам, и оно не оказало серьезного влияния на процесс становления мирового земледелия. Чего нельзя сказать о бобовых – чечевице, горохе, сое и других. Некоторые исследователи полагают, что именно бобовые культуры были первыми одомашнены человеком, до зерновых. Во всяком случае, их находят в значительном количестве в районе Плодородного полумесяца на стоянках, датированных 10 000 лет и даже ранее.

Ряд исследователей также высказывает предположение, что одомашниванию зерновых и бобовых культур предшествовала посадка овощей, т. е. огороды появились до пашни. Упоминают райский сад, который, согласно Библии, предшествовал появлению земледелия, человек изначально питался плодами, а лишь в наказание получил в пищу зерно. Вполне возможно, особенно в некоторых благоприятных для этого регионах. Однако археологических свидетельств тому не существует (они практически и невозможны, так как остатки овощных культур не могли дойти до нашего времени). К тому же овощи и фрукты, за исключением тех, которые имеют повышенное содержание крахмала, не могли бы вытеснить другие источники пищи, как это сделали сытные и питательные зерновые. Они могли стать лишь добавкой к рациону охотников-собираателей. Словом, даже если овощи опередили зерно, если именно на них древний человек практиковался впервые в искусстве приручения растений, основой новой жизни они не стали.

Более или менее одновременно с возникновением земледелия шел процесс одомашнивания животных. До сих пор продолжаются споры, что чему предшествовало: в XIX веке более или менее твердо полагали, что человек сначала одомашнил животных, а потом, обеспечив себя мясом, приступил к гарниру – зерновым. Более того, существовала и такая точка зрения, что разведение зерновых человеку изначально было необходимо, чтобы иметь корм для

домашних животных. Затем в XX веке версия сменилась на противоположную, причем высказывалась идея о том, что растениями занимались одни группы людей, а животными – другие. Сейчас достаточно общепринятой считается мысль о том, что процесс этот был одновременный (это подтверждают и археологические данные) и проходил в одних и тех же местах, то есть земледелие и скотоводство шли рука об руку. Чаще всего в описаниях исследователей это выглядит так: пока дамы занимались секционированием растений (непреднамеренным, конечно, а случайным), их мужья работали над выведением домашних животных. Последнее положение относится к числу предположений и нуждается еще в осмыслении.

Пальма первенства в конце концов все-таки досталась земледелию, оно немного опережало скотоводство. Более того, в некоторых местах, где выведение и выращивание растений имело уже стабильный характер, домашних животных и вовсе не существовало, а источником мясной пищи продолжала служить охота. А вот наличия существования в древности обратного – скотоводства без земледелия – пока не найдено.

Скотоводство иногда считают своего рода побочным продуктом земледелия: увлекшись выращиванием зерна и овощей, первые земледельцы почувствовали дефицит белковой пищи, а так как времени на охоту у них не оставалось, зато в избытке было кормов, как побочного продукта земледелия, то они обзавелись домашними питомцами для обеспечения себя мясной пищей.

Первыми одомашненными (именно, а не просто прирученными) животными считаются овца и коза, и произошло это все в тех же благодатных для возникновения сельского хозяйства землях Юго-Западной Азии. Собственно первой считается собака, она стала спутником человека еще в поздний палеолитический период, однако не являлась источником питания.

Овца – ее долгое время считали самой первой – стала уникальным явлением в жизни человека. Впервые ее одомашнили жители предгорий Загроса 8–9 тысяч лет назад, горной гряды, находящейся преимущественно на территории современного Ирана и пролегающей вдоль реки Тигр и Персидского залива от Турции и Кавказа до выхода в Индийский океан. Горы Загроса – место удивительное, есть даже версия, что именно там находится исток всей индоевропейской цивилизации. Одни считают, что в этих горах находился Эдем, райский сад, из которого был изгнан человек и соответственно изначально поселился где-то в округе. Другие – что именно там обосновался библейский Ной, спасшийся после Великого потопы. В любом случае получается, что человек в его современном обличье вышел из гор Загроса.

Что касается археологических данных, то помимо древнейшей одомашненной овцы в тех же краях находят и древнейшую домашнюю козу. А относительно недавно именно в горах Загроса обнаружили сосуды с остатками древнейшего вина, так что на сегодняшний день именно этот район считается родиной виноградарства. Что косвенно подтверждает версию о Ное, который после своего чудесного спасения первым делом принес жертвы Богу (из спасенных в Ковчеге животных), а вторым – развел виноградник и сделал вино: «Ной начал возделывать землю и насадил виноградник; и выпил он вина, и опьянел, и лежал обнаженным в шатре своем» (Бытие, 9:20–21).

Возвращаясь к домашней овце: она стала поистине сокровищем для древнего человека. Причем во многом рукотворным: дикая овца была короткохвостая и короткошерстная, к тому же неприятного серого цвета и довольно поджарая. За несколько тысячелетий упорного труда человек создал из нее идеальный источник не только мяса – жирного (особенно много жира, называемого курдючным, скапливается под отросшим длинным хвостом), вкусного и легкого в приготовлении, но и самого популярного в истории человечества материала, теплого, мягкого и к тому же белого. И открыл для себя чудесные свойства молока, из которого научился готовить сыр. Схожая история произошла и с козой, хотя она все-таки и уступает овце по качеству и мяса, и шерсти.

Следом за овцой и козой появилась домашняя свинья. Место, где это произошло, до конца не определено. Самые давние находки сосредоточены все на том же Ближнем Востоке, на территории современных Палестины, Турции, Ирака. Юго-Восточная Азия также претендует на место одомашнивания свиней. А недавние находки, сделанные в 1994 году в предгорьях Таврских гор на юге Турции, позволяют даже предположить, что свинья была одомашнена ранее овец и коз. Более того, случилось это тогда, когда в тех местах еще не знали земледелия, что идет вразрез с общепринятой сегодня версией о первичности земледелия. Впрочем, эта единичная находка еще нуждается в осмыслении.

Свинья предназначалась исключительно для еды, хотя шкуру и кости ее тоже использовали, но большой роли в хозяйстве они не играли. При этом, в отличие от большинства других домашних животных, дающих еще и молоко, свинья является источником исключительно мясной пищи.

Крупный рогатый скот был одомашнен следующим, примерно в VI–V тысячелетии до н. э. в Юго-Западной Азии. Древнейшие останки были найдены на территории Северной Сирии и Юго-Восточной Турции. Предком быка и коровы считается тур, вымерший в XVII веке. Как и в случае с другими домашними животными, дикий предок был крупнее и имел более длинные рога. Крупный рогатый скот оказался, пожалуй, самым полезным животным на службе человека: он не только снабжал хозяина молоком и мясом, но и тянул плуг, выведя земледелие на принципиально новый уровень. Именно он связал земледелие и скотоводство неразрывной цепью. Отдельные исследователи даже считают, что земледелие и цивилизация начались именно с момента возникновения плужного земледелия. Во всех древнейших цивилизациях, в Месопотамии, Египте и долине Инда, крупный рогатый скот ценился особенно высоко, причем его значение как источника мясной пищи сокращалось, слишком важной была его роль в обработке земли.

Из домашних птиц первыми были куры, одомашненные в Юго-Восточной Азии около 5000 лет назад (по некоторым данным, это случилось в Китае на 2 тысячи лет ранее). Достоверно известно, что 3000 лет назад куры попали в Европу и прочно там обосновались. Гуси и утки стали домашними на пару тысячелетий позже, местом первоначального разведения первых предположительно является Египет, а на вторых претендует Китай, впрочем, определенности в этом вопросе нет. Большой популярностью они пользовались в Европе, достаточно давно, чтобы успеть «спасти Рим».

В Америке до прихода европейцев домашних животных практически не было. Лама, одно из исключений, была одомашнена преимущественно как вьючное животное и ради шерсти 5000 лет назад. Индейка, самая знаменитая американская добавка к мясному столу мира, стала домашней гораздо позже, уже на заре новой эры. Считается, что она сама прибилась к человеку и он, не сумев от нее избавиться, стал ее разводить и есть. А вот морские свинки, любимое лакомство инков и других племен, проживавших в Андах, свое пищевое значение утратили и стали сейчас забавными домашними питомцами.

Не менее 5 тысяч лет насчитывает и история одомашнивания медоносных пчел и тутового шелкопряда. Причем последнего, судя по имеющимся данным, использовали в Китае не только для производства шелковой нити, но и как деликатес.

Почему

Этот простой вопрос – почему человек отказался от привычных охоты и собирательства и перешел к новым видам хозяйствования – относится к числу тех загадок человеческой истории, которые все больше запутываются по мере их изучения. Самое простое объяснение, господствовавшее дольше всего, это божественное происхождение земледелия: этот дар богов (или, в некоторых случаях, наказание) был дан человечеству свыше, помимо его воли и жела-

ния. Оптимистический материализм XIX века объяснил этот переход естественным прогрессом человеческого развития от дикости к варварству. Это были наиболее логичные объяснения из всех, которые приводились. Однако в XX веке ученые отказались и от первого, и от второго пути и оказались в некотором тупике.

Причины сомнений следующие. Начать с того, что человек десятки тысяч лет питался определенным образом и был вполне доволен своим укладом. Далее – за последние десятилетия вполне убедительно доказано, что земледельческий труд гораздо тяжелее и хлопотней, чем жизнь охотников и собирателей. Он отнимает гораздо больше времени и сил у человека. Он не только не уничтожает проблему голода, но делает ее более острой: временные перебои с пищей у охотников редко бывают продолжительными и катастрофическими, сельскохозяйственный неурожай вызывает массовую гибель людей. Пища собирателя и охотника гораздо разнообразней и полезнее (например, еще в XIX веке австралийские аборигены употребляли в пищу более 240 видов различных растений)¹⁶, земледельца – монотонна, однообразна, бедна белками и витаминами и перенасыщена углеводами.

Более того, этнографические данные указывают на то, что описанные наукой племена охотников-собирателей чаще всего не только не стремятся перенять земледельческие традиции своих соседей (хотя и пользуются результатами их труда, выменивая их на мясо), но и презирают их. Так, африканские бушмены говорят: «Лучше одна корова в желудке, чем десять в загоне». Охотники-собиратели не приспособлены к монотонному изнурительному труду земледельцев, это является «непреодолимым препятствием» для них¹⁷. Наконец, последние исследования подтвердили, что переход к земледелию и смена системы питания человека на первом, довольно длительном этапе, приводит к негативным последствиям для организма: снижению показателей физического развития, появлению различных заболеваний, даже уменьшению роста и комплекции.

Так почему же человек отказался от того, что получило в науке название «присваивающего хозяйства» и перешел, причем в разных местах и практически одновременно, независимо и самостоятельно, к «производящему хозяйству»? Зачем ему понадобилось отказаться от присвоения привычной и любимой им пищи, к тому же более полезной для его организма, и заняться производством «в поте лица своего», как сказано об этом в Библии, новых и не слишком полезных продуктов? Не мог же он предвидеть результатов, к которым это приведет через несколько тысяч лет, когда земледельческие культуры станут основой великих цивилизаций древности?

Среди разнообразных причин такого странного поведения древнего человека чаще всего в исследованиях называются следующие. Первая и главенствующая связана с изменениями климата и экологии. Климат и географическое положение – излюбленная причина, которой ученые издавна объясняют все непонятные явления. К ней, как правило, обращаются солидные уважаемые специалисты, поддерживающие общепринятые концепции и взгляды; ее же приводят и учебники, призванные давать наиболее устойчивую и логически достоверную версию. Это легко объяснимо: она конкретна, материалистична, реально существует, ее трудно опровергнуть, к тому же ее также трудно и доказать. Именно поэтому основные доводы сторонников «погодно-природной» подоплеку событий звучат несколько туманно. Более того, они отнюдь не едины в своих оценках произошедшего.

Одни считают, что природная обстановка пагубно отразилась на охотничьем хозяйстве: «Охотничье хозяйство, как показывают многочисленные этнологические примеры, по природе своей нестабильно. Оно подвержено спадам из-за перемен в природной обстановке, обуславливающих нарушение экологических ниш и резкое падение численности промысловых живот-

---

¹⁶ Семенов С.А. Происхождение земледелия. Л., 1974. С. 11.

¹⁷ Добровольская М.В. Человек и его пища. М., 2003. С. 251.

ных, чревато поэтому периодическим наступлением голода... Это обстоятельство было сильнейшим стимулом поиска новых источников пищи...»¹⁸.

Другие видят в климатических изменениях благоприятную ситуацию для складывания земледелия (это, видимо, оптимисты от науки, те, у кого стакан всегда наполовину полон): «Переход к экономике, основанной на производстве продуктов питания, был обусловлен как благоприятными природными условиями, сложившимися в ряде регионов, так и, что имело первостепенное значение, факторами, возникающими в среде самого человеческого общества. К числу факторов социальной группы относятся: достаточно высокий уровень техники; наличие высокоразвитой экономики, ориентированной на присвоение имеющихся в природе продуктов питания; зачатки положительных знаний; значительная плотность населения, затруднявшая расширение территории, на которой природные ресурсы эксплуатировались традиционными методами. Природные условия в данном случае можно рассматривать в двух аспектах: как благоприятствующие возникновению новых способов получения продуктов питания и как способствующие наибольшему развитию земледелия и скотоводства»¹⁹.

Изменения в природе могли быть вызваны естественными причинами, а могли быть спровоцированы деятельностью человека: «Определенный кризис присваивающего хозяйства привел к тому, что человек не мог старыми способами добывать достаточное количество пищи. Такие кризисные ситуации могли возникать в силу изменений природной среды, например изменений климата, но могли быть и спровоцированы человеком. В качестве примера последнего приводится кризис, обусловленный „слишком активной охотничьей деятельностью населения“, что привело к „интенсификации собирательства“»²⁰. Это значит, что чрезмерно активные охотники поубивали всю живность в округе и пришлось им перейти к выращиванию растений, а уцелевших животных приручить и одомашнить.

Некоторые рассуждения и вовсе расплывчаты, впрочем, автор и не скрывает, что мы крайне мало знаем о том, какая стояла погода в период великих перемен: «Влияние климатических изменений на первобытное хозяйство заключалось не только в том, что последнее должно было так или иначе трансформироваться, но и в том, что эти изменения создавали определенный биологический фон, характер которого обуславливал сам облик новых форм хозяйства. К сожалению, при современном уровне знаний этот биологический фон далеко не всегда удается воссоздать»²¹.

К природной теме примыкает и идея хозяйственной необходимости, вызвавшей к жизни новый тип хозяйствования. Ухудшение климата (с точки зрения охоты) и экологической ситуации (в плане массового истребления животных, иногда дополняемого и природными сложностями, обрушившимися на все живое) привело к тому, что люди, издавна владевшие навыками земледелия и скотоводства, но не пользовавшиеся ими в силу отсутствия необходимости, вынужденно обратились к новым источникам пищи. При этом тот же климат, что пагубно отразился на охоте, оказался весьма благоприятен к земледелию, создав необходимые условия для его возникновения и развития. Этому же способствовали появившаяся оседлость населения (пишут даже об «усталости» людей от кочевого образа жизни) и резкое увеличение его числа.

Более смелые авторы в качестве причин перехода к земледелию и скотоводству выдвигают неожиданные версии: религиозный аспект, по которому сельское хозяйство на раннем этапе было необходимо для отправления культов; теорию «фиесты», в этом случае продукты земледелия были необходимы для организации праздников, и т. д.

---

¹⁸ Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. М., 2007. С. 211.

¹⁹ Массон В.М. Первые цивилизации. М., 1989. С. 33.

²⁰ Археология: учебник / под ред. В.Л. Янина. М., 2006. С. 117.

²¹ Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства. М., 1980. С. 45.

Безусловно, многое из перечисленного выше имело место и стало составной частью комплекса причин, приведших к «неолитическому чуду». И новые природные условия, и изменения в растительном покрове, и накопленный человеком опыт, и совершенствование орудий труда, и перемены в социальных отношениях. Все это неким чудесным образом переплелось и привело к новому виду хозяйствования, а вместе с ним и к новому укладу, и бытовым условиям, и мировосприятию, а в итоге и к абсолютно новой жизни. Процесс был постепенным и растянутым во времени. Все относительно: с точки зрения истории первобытного человека, когда небольшие изменения в обработке каменных орудий растягивались на десятки, если не сотни тысяч лет, процесс перехода к сельскохозяйственному укладу кажется стремительным. И необратимым.

Конечно, названные причины объясняют далеко не все. Начать с того, что мы не знаем, что было первично, что вторично – изменение привычного уклада и образа жизни, в частности переход к оседлости и создание постоянных круглогодичных поселений, или появление земледелия. Согласно имеющимся памятникам эти события совпали по времени, но что чем было вызвано: завели земледелие, чтобы обеспечить оседлость, или осели, чтобы иметь возможность заняться земледелием, – остается неясным. То же самое касается и роста населения, своеобразного демографического взрыва²², о котором пишут многие исследователи: был ли он вызван переходом к оседлости и земледелию или наоборот. Да и с климатом много путаницы.

Ко всему разнообразию причин и условий возникновения земледелия и скотоводства представляется необходимым добавить и «гастрономический» аспект. Все-таки в первую очередь изменения коснулись именно вопросов, связанных с пищей и традициями питания. В предшествующий период позднего палеолита наметились важные тенденции. С появлением людей современного типа 40–50 тысяч лет назад многое изменилось в жизни вида *Homo sapiens sapiens*, и не в последнюю очередь это было связано с системой питания. Меняются орудия труда, кроме каменных появляются изделия из рога и кости, на место стоянок приходят первые поселения, люди одеваются в шкуры животных, совершают ритуальные захоронения, появляется наскальная живопись. В это время в разных местах люди создают женские фигурки, так называемые палеолитические Венеры, с большой вероятностью свидетельствующие о появлении культа богини-матери, а следовательно, о ритуалах и верованиях, связанных с получением пищи.

Человек начинает питаться более разнообразно и сложно: появляются терочные плиты, свидетельствующие о возрастании доли растительной пищи, человек начинает питаться рыбой, о чем свидетельствует и наличие рыбных крючков, и рыбных останков, а также морских моллюсков, в некоторых районах встречаются значительные залежи раковин. Появляется и лук, позволяющий охотиться на птицу и мелких животных. Костровища в жилищах кроманьонцев свидетельствуют о том, что увеличивается доля приготовленной пищи. Встречаются рядом с жильем и ямы для хранения запасов еды. Наконец, появляется определенное культурное разнообразие, предпосылки для грядущего разделения на типы питания.

В разных регионах еще в позднем палеолите можно говорить об определенной региональной пищевой специфике: одни племена охотились на оленя, другие предпочитали мамонтов. Скорее всего, такие же различия имелись и в отношении собирательства – где-то собирали злаки, в других местах отдавали предпочтение клубням, в третьих – плодам и фруктам. Вероятно, это было связано не только с излюбленными учеными особенностями климата и географии, но и вкусовыми предпочтениями тех или иных племен. Хорошо известно, что некоторые из них, жившие на берегу моря, не занимались рыбной ловлей. А другие предпочитали охоту на конкретный вид животного при наличии вокруг и других видов. Даже соотношение мясной

---

²² Считается, что по самым скромным подсчетам население увеличилось в 100 раз. См., например, Алексеев В.П., Першиц А.И. Указ. соч. С. 221.

и растительной пищи в разных районах было различным (и да, конечно, это было связано и с природными возможностями региона). Можно достаточно определенно предположить, что у человека еще в период позднего палеолита *появляется вкус*. Еда перестает быть просто средством утоления голода, но становится удовольствием, а ее приготовление – все усложняющейся системой.

Сегодня уже не вызывает сомнений тот факт, что кулинарные предпочтения являются одной из самых устойчивых привычек человека. Они меняются медленно и трудно, если меняются вообще. Но также хорошо известно, хотя механизм этот еще и не изучен, что отдельные заимствования и инновации легко проникают в традиционную пищу и становятся ее неотъемлемой частью. Достаточно только упомянуть американских «захватчиков» на европейском столе: томаты в итальянской или испанской кухне, кукурузу в молдавской и румынской, подсолнечное масло в украинской и русской, ну и наконец, картофель в ирландской, русской, скандинавской и многих других. И это не говоря о китайском чае и африканском кофе в европейских чашках.

Причины, почему разными народами заимствуются одни продукты и отвергаются другие, скорее всего, также лежат в плоскости национальных вкусов и предпочтений. Но факт остается фактом: за какие-то сто-двести лет картофель стал столь важной частью гастрономической культуры Ирландии, что его неурожай вызвал страшный голод в середине XIX века. Картофель стал не просто «экзотическим» пришельцем, но основной, базовой пищей, причем широких масс населения. И то, что он менее полезен, чем вытесненные им репа и другие европейские корнеплоды, ничего не меняло.

Остается предположить, что нечто схожее могло быть и с зерновыми культурами. Интенсивное собирательство, подъем которого в отдельных регионах (будущих очагах земледелия) подтверждается археологическими находками, могло привести к тому, что у человека появился вкус к зерновым продуктам. Здесь есть и физиологическая сторона: есть данные, что богатая углеводами пища, такая как зерно, картофель или сахар, обладает свойством «подсаживать» человека, становится желанной потребностью, вызывает привыкание²³.

Зерно – продукт крайне сложный для приготовления. Его мало собрать, но надо еще и очистить от внешних оболочек и сварить или запечь. В последнем случае он нуждается в дополнительном дроблении и разведении жидкостью. Чтобы перейти на питание зерновыми культурами, надо было овладеть определенным кулинарным мастерством. К тому же само по себе зерно – достаточно пресная пища, нуждающаяся во вкусовых добавках, кислых, соленых или сладких. Только вкусовая потребность могла вынудить человека заняться столь непростым делом, как выращивание зерновых. Когда же человек овладел навыками производства зерна и его приготовления, оказалось, что во многих отношениях эта пища незаменима: очень сытная, не надоедающая при постоянном употреблении, отлично сочетающаяся с любыми дополнительными добавками и продуктами, легко хранимая и транспортируемая. Время только раскрывало все новые достоинства зерна, пока оно не стало основой питания многих народов. Отметим сразу: все-таки не всех, так как переход к земледелию и зерновой пище был в первую очередь вопросом вкусовых предпочтений и свободного выбора людей.

Только вкусовым предпочтением можно объяснить и тот факт, что в некоторых местах главным продуктом земледелия были растения, которые нельзя употреблять в пищу без специальной обработки. Например, клубни таро, популярные в Малайзии, тропической Индии и древнем Египте уже несколько тысячелетий, можно есть только тщательно приготовленными, в сыром виде они ядовиты, а плохо приготовленные вызывают зуд и раздражение во

---

²³ См., например, Effects of dietary glycemic index on brain regions related to reward and craving in men // The American Journal of Clinical Nutrition. June 26, 2013; Katherine, Anne. Anatomy of a Food Addiction: The Brain Chemistry of Overeating. Gurze Book, 1996; Дэвис. В. Пшеничные килограммы. Как углеводы разрушают тело и мозг. М., 2015. Глава 2

рту. А маниок, популярнейший продукт Южной Америки, в настоящий момент покоривший и Африку? Его корнеплоды варят и запекают, делают крупу для каши, а из сушеных корней – муку для лепешек. В сыром же виде употребление маниока приводит к летальному исходу, в «лучшем» случае вызывает паралич. Чтобы обезопасить себя, корень маниоки чистят, растирают, вымачивают, по несколько раз меняя воду, высушивают и т. д. После чего наслаждаются вкусом. Сегодня это один из самых популярных корнеплодов в мире.

Глава 2. Дар богов или потерянный Рай?

Как

На вопрос, как произошел процесс domestikации и растений, и животных в науке также нет единого мнения, как и по вопросу, почему.

Со времен Дарвина большинство ученых опирается на теорию естественного отбора. Кроме того, Дарвин, а за ним и другие, настойчиво подчеркивал непреднамеренность процесса domestikации, ее случайный характер, отказывая таким образом древнему человеку в способности мыслить и изобретать. Человек «неумышленно подвергает своих животных и растения разным условиям существования, и появляется изменчивость, которую он не в состоянии даже предотвратить или ограничить». Дарвин также считает, что «ошибкой будет сказать, что человек „вмешивается в дела природы“ и производит изменчивость»²⁴.

Процесс одомашнивания, по Дарвину, проходил следующим образом: «Вероятно, мы обязаны нашими сведениями относительно полезных свойств почти всех растений тому, что человек первоначально находился в диком состоянии: жестокий голод часто заставлял его пробовать в качестве пищи почти все, что он мог пережевать и проглотить». «Следующим шагом в возделывании, не требующим большого напряжения мысли, был бы посев полезных растений; а так как почва близ лачуг туземцев часто бывает до некоторой степени удобрена, то рано или поздно должны были появиться улучшенные разновидности. Или же дикая, необыкновенно хорошая разновидность туземного растения могла обратить на себя внимание какого-нибудь старого, умного дикаря; он мог пересадить его или посеять его семена»²⁵.

Вавилов развил дарвиновское учение о естественном отборе. Он же выдвинул теорию о зарождении земледельческой цивилизации в горных районах. Полемизируя с работой Л. Мечникова «Цивилизации и великие исторические реки», в которой отмечается, что все древние цивилизации зародились на берегах великих рек – Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Ганга, Янцзы и Хуанхэ, Вавилов предположил, что это не было самым начальным этапом.

«Вдумываясь в процесс развития земледельческой культуры, – писал Вавилов, – мы неизбежно должны признать, что периоду великих культур, объединивших многоплеменной состав населения, предшествовал, естественно, период обособленной жизни племен и небольших групп населения в замкнутых в районах, и для этой цели горные районы могли служить прекрасными убежищами. Обуздание больших рек, овладение Нилом, Тигром, Евфратом и другими великими реками требовало железной деспотической организации, создания плотин, регуляторов затопления, требовало организованных массовых действий, о которых не мог мечтать первобытный земледелец Северной Африки и Юго-Западной Азии. Всего вероятнее поэтому, что так же, как центром сортового разнообразия, очагами первоначальной земледельческой культуры были горные районы. Овладение водой для полива не требует здесь больших усилий. Горные потоки легко могут быть отведены самотеком на поля. Высокогорные районы нередко доступны неполивной культуре в силу большого количества осадков в высокогорных зонах. В земледельческих районах Горной Бухары в Бадахшане можно видеть до сих пор разнообразные примитивные этапы земледельческой эволюции, сохранившиеся, вероятно, неизменными целые тысячелетия и иллюстрирующие до сих пор различные фазы земледельческой культуры»²⁶.

---

²⁴ Дарвин Ч. Изменение животных и растений в домашнем состоянии. М.-Л., 1941. С. 28, 27.

²⁵ Там же. С. 220–221.

²⁶ Цит. по: Резник С. Указ. соч. С. 168–169.

Схожим образом процесс одомашнивания растений представляется и большинству современных ученых. При употреблении в пищу плодов и семян диких растений какая-то часть их оставалась неиспользованной и давала всходы вблизи жилища: «Переход этого в культуру – дело времени»²⁷. Одновременно с этим шел процесс «бессознательного отбора» наиболее крупных семян для посадки, что в конечном счете приводило к появлению новых видов.

Не то чтобы подобное объяснение не оставляло вопросов. Например, такого рода процесс бессознательной и случайной селекции требовал оседлого образа жизни, который большая часть ученых связывает как раз с появлением земледелия. Т. е. вновь возникает проблема курицы и яйца, что было первично? Смущает и тот факт, что процесс одомашнивания растений, согласно такой системе случайностей, занимает тысячи лет, многовато для установления причинно-следственных связей, особенно если мы принимаем как должное тот факт, что в то время мозг человека уже ничем не отличался от современного.

Пути одомашнивания животных предлагаются более разнообразные, хотя столь же случайные и непреднамеренные в своем отборе. Согласно одной версии, о животных-«любимчиках», они просто сами прибились к человеку, и ему оставалось только отбирать самых крупных и мясистых, чтобы с течением времени вывести новые виды. Крайне распространенной является версия о том, что были приручены те животные, «которые имели в своем поведении предпосылки для одомашнивания – отсутствие боязни человека, смирный нрав». Высказывается и предположение о том, что отсутствие страха перед человеком было вообще свойственно животным палеолитической и мезолитической эпох²⁸. Честно говоря, с трудом представляются мирные дикий тур или кабан, льнувшие к древнему человеку. Да и изображения охоты, дошедшие до нас в виде наскальных рисунков, представляющие огромных разъяренных быков, окруженных толпой маленьких человечков, плохо вписываются в мирную пасторальную картинку. Наконец, пожалуй, самой популярной является версия о том, что первобытные охотники начали подбирать молодняк после охоты и выращивать его около своих жилищ, вскармливая его иногда даже женским грудным молоком.

Попадают и курьезные версии. Так, профессор Лондонского университета попытался показать историю одомашнивания животных на примере первого, с его точки зрения, одомашненного человеком существа – улиток²⁹. Как древние любители моллюсков заприметили лужайку, особенно богатую этим неспешным лакомством, огородили ее, чтобы оно не разбежалось, отобрали самых жирненьких и вкусненьких и стали холить и лелеять год от года. Просто, удобно и питательно.

Труднее всего согласиться с темой бессознательности поступков людей в столь важном для их жизни вопросе, перевернувшем весь традиционный уклад и образ жизни. Более вероятно, что это был вполне осознанный поиск путей и способов производства любимых им продуктов питания. И вряд ли он был столь длительным, чтобы занять тысячи лет, как это чаще всего представляют. В частности, свидетельствуют в пользу последних предположений этнографические данные, которые часто приводятся как раз в противоположном плане. Обращается внимание на тот факт, что многие современные (или почти современные, речь чаще всего идет о наблюдениях XIX и XX веков) племена собирателей-охотников имеют достаточно разнообразные знания и представления о выращивании растений, но редко ими пользуются, только в случае острой необходимости. Подобное состояние дел называют иногда «протоземледелием», что предполагает ступень, предшествующую земледелию. Проблема-то в том, что, имея знания и умения в области растениеводства, такие народы не переходят к следующей

---

²⁷ Алексеев В.П., Першиц А.И. Указ. соч. С. 211.

²⁸ Там же. Подробно вопросы одомашнивания животных рассматриваются в книге Шнирельмана В.А. Происхождение скотоводства. М., 1980.

²⁹ Fernandez-Armesto F. *Near a Thousand Tables. A History of Food*. N.Y., 2002. P. 56–57.

ступени, они остаются охотниками и собирателями, и это их сознательный выбор. Мы опять сталкиваемся с концепциями единообразия развития человека, с тем, что просто одни народы «отстали» в своем развитии и вот-вот «догонят» идущие впереди народы-земледельцы.

То, что древний человек, без знания законов селекции и генетики, якобы случайно и бессознательно, смог вывести в разных регионах земли значительное разнообразие видов растений и животных, причем идеально по своим новым качествам приспособленных под нужды человека, можно отнести только к ненаучной категории «неолитического чуда». Трудно представить себе такого рода эксперимент, он должен был бы длиться веками: берем дикий вид растения и совершенно случайно высаживаем в нужном месте интуитивно и бессознательно отобранные дикие растения, затем беспричинно ухаживаем за ними должным образом. Результата не видим (надо ждать много поколений!), но продолжаем упорствовать. И через сотни лет из мелкого, легко распадающегося на семена, не очень вкусного и грубого дикого растения получаем крупные тугие колосья, с питательными и нежными зёрнами. Именно такую фантастическую картину рисуют труды по доместикации растений. Не проще ли принять версию вмешательства Прометея?

Впрочем, для темы еды не столь и важно, как на самом деле проходило одомашнивание животных и растений. Гораздо важнее сам факт произошедшего и его последствия. А также те мифы и легенды, которые сложились за много веков существования земледелия. То, как сам человек представлял и оценивал этот процесс, в данном случае более значимо, чем историческая истина (тем более что до ее познания все еще далеко).

Как же выглядел переход к земледелию в мифах, легендах и преданиях разных народов? Возьмем лишь самые известные. Объяснений было два: самое древнее – божественное вмешательство и более позднее, в эпоху римского материализма, – закономерное развитие человечества. Во всех случаях человек пребывал в дикости, а дар земледелия принес ему не просто пропитание, но и другие блага, то, что принято называть понятием «культура» и «цивилизация». Неслучайно слово «культура» на латинском языке означает «возделывание» и первоначально относилось к обработке земли, а потом уже, все в той же Античности, обрело более широкое значение.

В древнейшей мифологии человечества – шумерской – бог земли и воздуха Энлиль, один из трех великих богов (вместе с Ану, богом неба, и Энки, богом воды и подземного царства), создал богинь земледелия (Ашнан-Зерно) и скотоводства (Лахар-Овца) и передал их дары и умения людям. Изначально и боги («ануннаки») не знали все прелести зерновой и мясо-молочной пищи, голодали и не имели представления об изобилии. Так что сначала пришлось одарить богов, а потом уже передать знания людям.

На Горе Небес и Земли,
Когда Ан сотворил Ануннаков...
Имени Аншан, Изумрудносервующей, Лахар-Овцы
Ануннаки и великие боги не знали...
Человечество тех далеких дней
Хлеба для пропитанья не знало.
Как обернуться одеждой, не знало.
Голыми по Стране бродили.
Словно овцы, ртами траву щипали.
Водою канав утоляли жажду.
Тогда на Земле Первоздания божьей,
В доме том, на Холме Священном,
Лахар-Овца и Зерно-Ашнан созданы были.
И в божьей трапезной собрав

Изобилие Овцы и Зерна,
Ануннаки Священного Холма
Вкушают и не наполняются...
Тогда-то Энки и промолвил Энлилю:
«Отче Энлиль, Зерно с Овцою,
На Священном Холме сотворенные.
Со Священного Холма да будут спущены!»
И, согласно светлым словам Энки и Энлиля,
Овца и Зерно со Священного Холма были спущены.
Овцу они оградили загоном.
Взрастили ей богатые травы.
Для Зерна они устроили поле.
Даровали ей плуг, ярмо и упряжку.
Стоит Овца в своем загоне —
Пастырь загона, изобилие прелести.
Стоит Зерно в своей борозде —
Статная дева, излучение прелести.
От полей главу святую вздымая.
Благодатью небес наливается.
Восходят Овца и Зерно в сиянии.
Для народа они – благоденствие.
Для Страны – поддержание силы жизни.
Сути божьи исполняют праведно.
Ими житницы Страны наполнились.
Закрома Страны от них разбухли.
И когда в дома бедные, во прахе лежащие,
Они вступают – изобилием одаряют.
Куда вдвоем стопы они направляют —
Щедрость, груз их, нечто в дом прибавляет³⁰.

Собственно, за человечество вступился Энки; он, подобно Прометею, нередко выручал людей в трудные минуты, он же и создал их из глины, и спас праведника во время потопа, уничтожившего все живое. Но все-таки сельскохозяйственные гимны, и пастушеские, и земледельческие слагались в основном именно Энлилю. С Энки также связана идея смерти и воскрешения природы, об этом разговор особый, к нему обратимся позднее. А зарождение земледельческой культуры связано именно с Энлилем.

Хвалебный гимн Энлилю
Могуч его пахарь, верный пастырь Шумера,
В добрые дни рожден с надеждой!
Пахарь, создавший поля обширные,
Пройдет по полю – хлеба колосятся!
Энлиль! Добрый пастырь Вселенной,
Пастух, что ведает всеми жизнями³¹.

---

³⁰ От начала начал. Антология шумерской поэзии. СПб., 1997. С. 74–75.

³¹ Там же. С. 101–102.

И так далее. Схожие мотивы перешли в аккадские, ассирийские, вавилонские мифы, союзники, переселенцы и захватчики принимали многое в верованиях своих предшественников. Есть в шумеро-аккадской мифологии и богиня-мать, более древняя, чем Энлиль, Энки и другие боги. Имя ее менялось – Ки, Нинту, Нинмах, Нинхурсаг, но суть прародительницы и покровительницы всего живого, в том числе и плодородия, сохранялась. Дар земледелия нередко передавался людям богом-благодетелем, культурным героем, демиургом, но охранительницей человеческой жизни и человеческой пищи всегда была богиня-женщина, богиня-мать, богиня-кормилица.

Древнеегипетская мифология, соперничающая с шумерской за право первенства, связывает появление земледелия с двумя главными богами, супружеской четой, Осирисом и Исидой. Диодор Сицилийский, древнегреческий историк I века до н. э., излагает историю следующим образом (соединяя египетскую и греческую мифологию): «Прежде всего Осирис уничтожил людоедство среди человеческого рода. После того, как Исида нашла зерна пшеницы и ячменя, случайно выросшие на земле среди прочей травы и неизвестные людям, а Осирис придумал обработку этих зерен, – (после этого) вся пища изменилась как благодаря приятным свойствам открытых зерен, так и по причине очевидной пользы (для людей) воздерживаться от зверства в отношении друг друга». Обращает на себя внимание тот факт, что зерна были найдены случайно и среди другой травы, схожую мысль, но в научном варианте, 2 тысячи лет спустя изложил советский ученый Вавилов.

Открытие земледелия, как следствие, влечет за собой и установление законов и порядка, т. е. культуры и цивилизации в нашем понимании: «Ведь в некоторых городах и в храмах Исида выносятся стебли пшеницы и ячменя в качестве воспоминания о том, что было обнаружено искусной богиней в древние времена. (Египтяне) говорят, что Исида установила законы, согласно которым люди прекратили незаконную жизнь и бесчинство, опасаясь наказания, и воздают друг другу справедливость». О скотоводстве речи не идет, только зерновые, виноград и другие растительные плоды упомянуты в качестве основы новой жизни.

Осирису так понравилось его собственное благодеяние, что он решил подарить земледелие и виноградарство, которое он тоже, согласно Диодору, открыл всему человечеству. Новая пища отвратила людей от дикости, установила новый уклад жизни и просто доставила людям удовольствие. Действительно, насколько приятнее было поесть хлеб и кашу, чем своих соплеменников. Впрочем, иногда, что характерно, – распространять культуру приходилось огнем и мечом, против желания самих людей. «Рассказывают, что Осирис, будучи благодетельным и честолюбивым, собрал большое войско, намереваясь пройти через весь обитаемый свет и научить человечество выращиванию виноградной лозы, а также посеву пшеницы и ячменя. Ведь Осирис полагал, что, заставив людей отвратиться от дикости и изменив ежедневный уклад (их) жизни, он получит бессмертные почести по причине величия благодеяний. Именно это и произошло в действительности: ведь не только современники (Осириса), получившие этот дар, но также и все потомки почитали изобретателей (этих благ) в качестве славнейших богов по причине приятности (вновь) открытой пищи... Осирис обошел также другие народы в Азии и (затем) переправился в Европу через Геллеспонт. Во Фракии Осирис убил царя варваров Ликурга, поскольку тот противился его действиям»³².

В «Трудах и днях» древнегреческого ученого Гесиода (VIII–VII вв. до н. э.), первого исторически достоверного поэта и философа, труды которого дошли до наших дней, Зевс в наказание за то, что Прометей подарил людям огонь и научил их земледелию, заставляет их добывать себе пищу трудами и «заботами»: «Но далеко Громовержец источники пищи запрят-

³² Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ. Вып. 3. М., 2000. С. 107–110.

тал, // В гневе на то, что его обманул Прометей хитроумный. // Этого ради жестокой заботой людей поразил он...» («Труды и дни», 47–49).

Гесиод первым предложил деление человечества на разные поколения (подобно тому, как Г. Морган и Ф. Энгельс в XIX веке разделили историю человечества на разные стадии дикости – варварства – цивилизации). Причем источники пищи занимали ведущее место в этом делении. Золотое поколение не знало бед и было самым счастливым, оно еще не было наказано Зевсом, это было царство Крона: «Большой урожай и обильный // Сами давали собой хлебодарные земли. Они же, // Сколько хотелось, трудились, спокойно собирая богатства» («Труды и дни», 117–119).

Серебряное поколение, похуже золотого, отличилось тем, что, возгордившись, не приносило жертв Олимпийским богам. Медное поколение отличалось воинственностью, жестокостью, как и положено воинам, они «хлеба не ели». Четвертое поколение тоже воевало, у Фив, у Трои, за что было вознаграждено после смерти. На Блаженных островах, где они оказались: «Трижды в году хлебодарная почва героям счастливым // Сладостью равные меду плоды в изобилие приносит» («Труды и дни», 172–173). Ну и наконец, железное поколение, современное автору, наказано богами и добывает хлеб свой в поте лица.

Интересно, что Гесиод, автор Теогонии, первого в истории сочинения, посвященного происхождению и родословию богов, советует своим современникам в земледельческом вопросе полагаться только на свой труд, а не на божественное провидение. Он наставляет своего брата, Перса: «Помни всегда о завете моем и усердно работай, // Перс, о потомок богов, чтобы голод тебя ненавидел, // Чтобы Деметра в прекрасном венке неизменно любила // И наполняла амбары тебе всевозможным припасом. // Голод, тебе говорю я, всегдашний товарищ ленивца» («Труды и дни», 298–301).

Безумец или провидец I века до н. э. римлянин Тит Лукреций Кар поражает остротой и неожиданностью своих взглядов на историю человеческого развития. Одним только мимолетным «говорят» он сводит на нет теорию божественного происхождения земледелия, к тому же, в отличие от своих высокомерных имперских современников, признает наличие и иного пути развития. В знаменитом труде «О природе вещей» Лукреций пишет: «Так, говорят, обработке полей научила Церера // Смертных, а сок из гроздей виноградных выдавливать – Либер. // Хоть и без этих даров продолжалось бы жизни теченье, // Как и доньше живут, по слухам, иные народы...».

Приводит он и свое видение случившегося. Земледелие, так же как и использование огня, и приготовление пищи, и изготовление тканей для одежды, и прочие блага цивилизации открыли те, «кто даровитее был и умом среди всех выдавался». А «учителем» их была сама природа. Картина, предложенная Лукрецием, удивительно напоминает построения современных ученых. Только, в отличие от них, он не лишал древнего человека смекалки и способности к осознанному эксперименту и творчеству:

Первый посева пример и образчик прививки деревьев
Был непосредственно дан природою, все создающей:
Ягоды, желуди, вниз упадавшие наземь с деревьев,
Густо роясь у корней, своевременно все вырастали.
Это и подало мысль прививать к деревьям отростки
И на полях насаждать молодые отводки растений.
Всячески стали затем обрабатывать милое поле
И замечали тогда, что на нем от ухода за почвой
Диких растений плоды получались нежнее и слаще...

Так, наблюдая за жизнью растений, подмечая их свойства, отбирая и высаживая лучшие, тщательно ухаживая за ними, человек получил те, которые «нежнее и слаще». И не мог уже остановиться, зерно, как и другие продукты земледелия, – стало желанной потребностью. Пусть вскользь, но Лукреций прозорливо указывает на изменения вкусов людей, на то, что именно это заставило их изменить образ питания и жизни:

Ибо наличная вещь, коль приятней ее мы не знаем,
Нравится больше всего и кажется полной достоинств.
Но постепенно затем предмет, оказавшийся лучше,
Губит ее и всегда устарелые вкусы меняет.
Так отвратительны всем стали желуди, так в небреженьи
Ложа из листьев и трав постепенно оставлены были³³.

Легенды других народов рисуют мирную картину освоения человеком земледельческой культуры. В древнекитайской Книге ритуалов («Ли Цзи»), составленной в IV–I вв. до н. э., рассказывается о первоначальной дикости людей и о благодеяниях мудрецов, даровавших блага цивилизации, в первую очередь в пищевой сфере:

«Некогда прежние государи не имели дворцов и палат. Зимой они жили в искусственных пещерах, летом поселялись в плетеных из веток гнездах. Не было еще огня для улучшения [пищи], а питались плодами деревьев и трав, мясом диких животных и птиц, пили их кровь, пожирали их с шерстью... Потом благодаря деяниям совершенномудрых стали пользоваться благами огня, выплавлять металлы и лепить глину, чтобы делать башни и надстройки на них, дворцы и дома, окна и двери; чтобы варить и жарить, тушить и вялить; чтобы делать вино и закваску»³⁴.

Уже упоминавшийся легендарный китайский император Шэнь-нун чаще других называется в качестве мудреца, научившего людей земледелию и покровительствовавшего ему. В историческом труде китайского ученого II в. до н. э. Сыма Цяня рассказывается о его рождении и правлении. Выглядел благодетель человечества странно: имел тело человека, а голову быка (в некоторых вариантах он еще и зеленого цвета и рожден от дракона).

«[Шэнь-нун] правил под [покровительством] стихии огня, поэтому его и прозвали Янь-ди („Огненный император“)... Обтесав дерево, [он] сделал сошник *сы*, согнув дерево, [он] сделал соху *лэй* для вспашки и прополки, и научил этому народ. [За то, что] он впервые научил [людей] пахоте, его прозвали Шэнь-нун – („Святой пахарь“).

Затем [Шэнь-нун] совершил жертвоприношения в двенадцатой луне и бил красной плетью по травам и деревьям. [С этого времени] впервые были опробованы все травы и впервые появились лекарства. Он же создал пятиструнные гусли *сэ*. [Шэнь-нун] научил людей днем устраивать базары, обмениваться [товарами] и возвращаться [домой], получив то, что каждому было нужно»³⁵.

Шэнь-нуна также величали властителем пяти злаков, тех самых, умение возделывать которые он подарил людям. Правда, злаки эти называют разные: два вида проса, соевые бобы, пшеница и рис, в других вариантах – ячмень, кунжут и другие.

Первопредок династии Чжоу Хоу-цзи, или просто Государь-Просо, также является культурным героем, научившим свой народ земледелию (Китай – страна большая и издревле густонаселенная, так что в разных регионах были нужны и разные герои, хотя истории их во многом схожи). Рождением он был обязан любопытству своей юной матери: увидев однажды в поле

---

³³ Тит Лукреций Кар О природе вещей. М., 1983. С. 196–198.

³⁴ Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 2. М., 1973. С. 102.

³⁵ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. I. М., 2001. С. 346.

гигантский след, она ради шутки вступила в него и в результате забеременела. Удивительно ли, что ее родные не приветствовали малыша и пытались избавиться от него разными способами: оставляли его то на многолюдной городской улице, то в дремучем лесу, а то и на страшном морозе. Но мальчик каждый раз чудесным образом спасался, так что в конце концов родственникам пришлось смириться с его существованием. И они не пожалели об этом:

«Так как мальчика несколько раз бросали, то его прозвали Ци – Брошенный. По преданию, Ци стал родоначальником народа Чжоу. Он с детства любил земледелие, а когда вырос, то научил людей сеять хлеба. Поэтому потомки называли его Хоу-цзи – Князь-просо.

Хоу-цзи с детства, играя, любил собирать в поле зерна пшеницы, проса, бобов, гаоляна, семена тыквы и косточки фруктов и сажал их в землю. Созревшие злаки и фрукты были вкусней, крупней, слаще и ароматней, чем дикорастущие. Когда Хоу-цзи стал взрослым и сделался опытным земледельцем, он начал изготавливать из дерева и камней простейшие сельскохозяйственные орудия и учить своих близких обрабатывать землю. Раньше люди жили охотой и сбором диких плодов, но людей становилось больше, еды не хватало, жить стало труднее. Видя успехи Хоу-цзи, окружающие постепенно поверили ему. Сначала землю стали обрабатывать родичи его матери – Ютай, а потом об этом узнал и государь Яо. Он предложил Хоу-цзи ведать земледелием и руководить всеми полевыми работами. Шунь, ставший правителем после Яо, пожаловал Хоу-цзи область Тай, где особенно умели выращивать урожай...

После смерти Хоу-цзи, в память о его заслугах, похоронили в красивой местности среди гор и рек, называвшейся Дугуанской равниной. Она находилась вблизи небесной лестницы Цзяньму, по которой божества спускались на землю. Земля в Дугуане была очень плодородной, там произрастали различные злаки, и зерна риса были белые, как жир. Там пели птицы луань, танцевали фениксы и происходили различные чудеса. Все это, вероятно, было связано со славой и чудесными деяниями Хоу-цзи»³⁶. Такая вот сельскохозяйственная идиллия.

Введение земледелия в большинстве культур показано как мирный и созидательный процесс. Как правило – это дар богов или героев, чаще всего мужчин. В отличие от появления пищи вообще. Напомним, что древний, еще первобытный пласт мифов и сказаний об изначальной Великой богине представляет ее кормилицей всего сущего и создательницей пищи³⁷. Пища производится тремя главными способами. Во-первых, появляется сама по себе из пота, слюны или других испражнений божества. Так появляется из ничего еда в русских и славянских сказках (например, у Бабы-Яги), в мифах народов русского севера, в японском сказании о богине пищи, известной под именами О-гэцу-химэ, Укэмоти-но ками и другими. Второй, оказавший большое воздействие на последующее мировоззрение человека и, видимо, подвергшийся воздействию более поздних верований, заключается в том, что пища появляется в результате гибели богини или какого-то другого существа. В этом случае пища (и жизнь) возможны только как результат смерти. Наиболее известным персонажем такого рода является Хаинувеле, из мифологии восточной Индонезии, убийство которой односельчанами дало жизнь корнеплодам – основной пище местных жителей. Наконец, третий, видимо наиболее поздний способ мифологического «создания» человеческой пищи, заключается в том, что божество рождает пищу тем же путем, что и человека, и животных.

В целом мифологическая картина в обобщенном виде рисуется следующая. Человек изначально питался очень плохо и скудно тем, что мог случайно найти или поймать. Затем женское божество подарило ему сытную пищу – чаще всего плоды, корнеплоды, травы, зерно (в диком виде). Наконец, культурный герой в мужском облике научил человека возделывать свою еду, улучшив ее качество и увеличив количество.

---

³⁶ Юань Кэ Мифы древнего Китая. М., 1965. С. 248.

³⁷ Подробнее смотри в предыдущей части: Павловская А.В. На кухне первобытного человека. М., 2015.

Мифы о появлении пищи вообще – более древние и драматичные. Земледелие же изначально представлялось явлением культуры и цивилизации, даже если самих этих понятий еще и не было в употреблении. Заметим также, что все вышеупомянутые народы в своей основе земледельческие, что не могло не наложить отпечаток на характер представлений об основе их существования.

Особняком стоит Библия, и, видимо, неслучайно. Здесь земледелие является наказанием, а не даром, тяжким трудом, а не способом улучшить свою жизнь, и земледелец первоначально воплощает зло.

Вот как выглядит изначальная история питания человека согласно Ветхому Завету. Обращает на себя внимание тот факт, что многие мотивы в нем перекликаются с месопотамскими мифами, а также с сюжетами других религий, видимо восходя к некоему древнему источнику. А вот трактовка появления земледелия и изменений в системе питания в Библии отличается от других.

Человек создается Богом из земли, глины или «праха земного» и помещается в рай, называемый Эдем. Рай, часто именно в виде прекрасного сада, существует во многих религиях и верованиях, начиная с шумерской мифологии. В нем приятно проводят время или бессмертные боги, или/и туда отправляются души праведников после смерти. Библия же помещает человека в рай сразу после сотворения мира, это рай изначальный и потерянный человеком. В Книге Бытия указывается и конкретное географическое местоположение этого изначального рая «на востоке». Он находился где-то на пространстве от гор Загроса до Южной Месопотамии. Ученые по сей день спорят относительно точного места нахождения рая, однако он совершенно очевидно располагался на землях так называемого Плодородного полумесяца, месте зарождения как земледелия, так и скотоводства, а также последующих древних цивилизаций.

В первой же главе Бог оговаривает пищу, которой питаются созданный им человек и его спутница, так же как и все животные. Пища эта изначально исключительно растительная, причем, по-видимому, корнеплоды из нее исключены: «И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; – вам сие будет в пищу; а всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому [гаду,] пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, дал Я всю зелень травную в пищу» (Бытие, 1:28–30).

Пища, созданная Богом для первого человека, была вкусная и полезная: «И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи». Однако человек получал эту еду не даром, он должен был работать, ибо сад, хотя и райский, но нуждался в заботе и внимании: «И взял Господь Бог человека, [которого создал,] и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его» (Бытие: 2:9, 15). Отметим, что в шумерской мифологии человек был сотворен из глины богами тоже для того, чтобы трудиться вместо богов, которые взбунтовались, что их «труд тяжел, велики невзгоды». В итоге были сотворен человек: «Бремя богов на него возложим // Труд богов поручим человеку. // Пусть несет человек иго божье!»³⁸. Что он и делал, добывая пропитание себе и пищу богам.

После грехопадения Адама и Евы возмущенный их непослушанием Бог изгнал их из рая и определил наказание. Еве предстояло «в болезни» рожать детей и терпеть господство мужа. А Адаму – добывать свою пищу тяжким земледельческим трудом: «проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевою травой; в поте лица твоего будешь есть хлеб...» (Бытие, 3:18–20). Таким образом, переход от питания плодами и травами, полученными от собирательства, ибо Адам всего лишь ухаживал за садом в раю и оберегал его, к земледельческой пище в Библии

---

³⁸ Когда Ану сотворил небо. Литература Древней Месопотамии. М., 2000. С. 19, 21.

представлен как наказание. Тяжкий труд, борьба с сорняками («терния и волчцы»), дары поля, а не сада в пищу – такова жизнь земледельца.

Исследователи нередко называют Каина, старшего сына Адама, первым земледельцем, однако первым все-таки был Адам, выгнанный из Эдема, «чтобы возделывать землю, из которой он взят» (Бытие, 3:23). Одновременно, по всей вероятности, появляется и мясная пища, ибо второй сын Адама Авель назван «пастырем овец». Более того, вскоре скот, вероятно, уже начинают делить на «чистый» и «нечистый», появляются пищевые запреты, ибо Ную указано взять в свой ковчег и тех, и других.

В апокрифической истории о жизни Адама и Евы после изгнания из рая есть и подробности овладения человеком земледельческими навыками. Начать с того, что кроме как в раю, на земле в то время еще не было еды. Бог обеспечил пропитанием только райский сад и его жителей. А во-вторых, никто не знал, как обрабатывать землю и выращивать на ней зерно. Понадобилось вмешательство архангела, лично обучившего Адама секретам земледелия, чтобы первые люди не умерли с голоду. «По изгнании из рая, – рассказывается в апокрифе о жизни после изгнания их рая, – Адам и Ева сели против рая и, приникнув к земле, стали плакать, и плакали семь дней. „Изнемогла душа моя от голода, – сказала Ева, – пойдем, поищем снадного“. Встали они и обошли всю землю и не нашли ничего снадного; возвратились к Эдему и опять начали плакать... Тогда умилился Господь». После этого Адаму выделили седьмую часть рая и для начала накормили «плодом терновым». «Потом явился архангел Михаил, принес пшеницы и меду и стал наставлять Адама на дела ручные. Адам начал землю делати». Здесь, правда, в дело вмешался дьявол, заявивший, что небеса и рай Божьи, а земля его, так что Адаму надо решить, с кем он. А если он собрался работать на земле, то ответ простой. Сломленный Адам на это: «рече: чья есть земля, того и аз и чада моя»³⁹. Впрочем, вопрос этот был позднее улажен.

Апокрифы приводят еще один интересный эпизод. Адам, проживший долгую жизнь и нарожавший большое потомство, лежит при смерти и мучается. Объясняя, что с ним происходит, Адам говорит: «дети мои, великая скорбь объяла меня». На это Сиф, рожденный после гибели Авеля, спрашивает, «не скорбит ли он о плодах райских, которые вкушал прежде»⁴⁰, и предлагает сходить в рай и попросить Господа угостить умирающего напоследок. Само предположение, что перед смертью старец мечтает о вкусе утраченных плодов своей молодости, весьма символично.

Потоп и спасение Ноя завершают библейскую историю складывания пищевой системы древности. В свой ковчег он берет только «плоть» – свою семью, животных, гадов и птиц (чистых и нет), а также пропитание для всех. Именно все плотское погибло во время потопа, растительность уцелела, посланный на разведку голубь принес «свежий масличный лист».

Шумерский праведник Атрахасис, предупрежденный о предстоящем Потопе богом Эйа (Энки), берет с собой и зерно, для земледельческого Шумера жизнь без зерна была немыслима. Он также берет побольше народу, в том числе и ремесленников, которыми славилась страна: «жену, семью, родню, рабочих». Ну и конечно, «тварей степных, травоядных и диких»⁴¹. Для скотоводческих семитских народов, составлявших Библию, «твари по паре» были важнее всего. К тому же в их культуре только животные жертвы были угодны Богу. Жители же Месопотамии отлично обходились и зерновыми подношениями.

Выйдя из ковчега, Ной первым делом устроил жертвоприношение, взяв для этого «чистых» животных, которых он предусмотрительно взял с собой побольше. В итоге Бог смилостивился над людьми и пообещал больше не насылать потопа на них. Им же разрешил трудиться на земледельческой ниве, хотя проклятье, наложенное на Адама, не снял и тяготы при

---

³⁹ Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872. С. 176–177.

⁴⁰ Там же. С. 173.

⁴¹ Когда Ану сотворил небо. С. 29.

добывании пищи не отменил: «впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся» (Бытие, 8:22). Так что сеять и жать зерновые культуры человеку предстояло при любой погоде. Ной и его семья не замедлили воспользоваться Божьим разрешением, и первым делом «Ной начал возделывать землю и насадил виноградник» (Бытие, 9:20).

Порой утверждают, что Ветхий Завет указывает на то, что питаться мясом человек стал только после Потопа; так, среди заповедей, данных Богом Ною после спасения, есть и такая: «все движущееся, что живет, будет вам в пищу; как зелень травную даю вам все; только плоти с душою ее, с кровью ее, не ешьте» (Бытие, 9:3–4). Однако, вероятнее, потребление мяса началось после грехопадения первых людей (иначе зачем Авель пас овец? Хотя есть версия и о том, что они предназначались изначально лишь для жертв Богу, но все-таки она представляется маловероятной). После Потопа же сложившаяся к этому времени пищевая система получила подтверждение и Божье благословение. Зерно, выращенное трудом, «зелень травная» и мясо (без крови!) любых животных. Хотя разделение на чистых и нечистых уже существовало, однако людей, точнее уже конкретную этническую группу, оно коснулось только в Заповедях Господа Моисею и Аарону, на что указывается в Книге Левит.

Последствия

Переход к земледелию – основе жизни и цивилизации большинства народов – много веков, даже тысячелетий, рассматривался как путь прогресса и благо для человечества. Даже те, кто вздыхал по утраченному «золотому веку» древности, тосковали по чистоте и невинности нравов, а не по грубой пище, зерно и хлеб для них уже были насущной необходимостью. К тому же связь между земледелием и последующими переменами в жизни человека – расцветом культуры и искусства, монументальным градостроительством, появлением ремесла и торговли и прочая и прочая, всем, что составляет краеугольный камень нашей жизни, – считалась неоспоримой. Только совсем недавно, в XX веке, были высказаны сомнения относительно того, чем же стало сельское хозяйство в жизни человека (и планеты Земля) – универсальным злом или неоспоримым благом.

Шаг за шагом эти ученые занялись развенчиванием положения о преимуществах земледелия и скотоводства перед охотой и собирательством.

Для начала был развенчан тезис о том, что переход к земледелию облегчил жизнь человека, высвободил ему время для занятий искусствами и науками. Наблюдения за жизнью современных «дикарей» привели ученых к выводу, что труд крестьянина несоизмеримо тяжелее и затратнее, а свободного времени у него значительно меньше. Один из первых исследователей Австралии Дж. Грей в середине XIX века писал: «Абориген точно знает, что производит его земля и в какое именно время года, он знает, какими способами обеспечить себя всем необходимым. Соответственно он распределяет свои посещения различных частей принадлежащей ему охотничьей территории; и я могу только засвидетельствовать, что в хижинах туземцев всегда царит изобилие... За два-три часа они могут добыть пищи на целый день». Другой исследователь, изучавший жизнь африканских бушменов, посчитал, что для обеспечения пищей всех членов группы каждому взрослому было достаточно трудиться 2,5 дня в неделю при 6-часовом рабочем дне⁴². Что теоретически оставляло им весьма много свободного времени для искусств и наук, если бы у них было желание ими заниматься. Такого рода примеров можно привести великое множество.

Подтвердили это и эксперименты. Так, американский ботаник Дж. Харлан (его отец дружил с Н. Вавиловым, и юный Джек даже одно время собирался в далекую советскую Россию,

---

⁴² Кабо В. Первобытная доземледельческая община. М., 1986. С. 215.

чтобы поработать под руководством великого ученого) в 1950–1960-е годы провел интересный эксперимент на горных склонах в Турции, где были обнаружены поля дикой пшеницы и ячменя. С помощью примитивного кремневого серпа исследователь собирал около 2,5 кг зерна в час. Он посчитал, что одна семья за три недели такой работы могла собрать больше зерна, чем было необходимо на год.

Рассуждая о появлении земледелия и немножко полемизируя со своим кумиром Н. Вавиловым, Дж. Харлан отмечал: «Мы никогда не найдем и не можем найти время и место, откуда началось земледелие. Сельское хозяйство – не результат случайности, развития мысли, изобретения, открытия или вмешательства богов или богинь. Оно возникло как результат длительной и интимной коэволюции растений и человека...»⁴³.

Итак, с точки зрения распорядка жизни человека земледелие, похоже, было наказанием, а не благом, тяжелым трудом пахаря-Адама, в сравнении с райской жизнью Адама – собирателя плодов.

Несостоятельной оказалась и концепция о том, что земледелие обеспечило более стабильную жизнь человеку, избавило его от постоянного страха перед голодом, угрожавшим ему в те времена, когда он был охотником. Да, неудачная охота порой приводила древнего человека к временным вынужденным голодовкам, но они редко бывали продолжительными и массовыми. Подлинный страшный голод пришел к человеку именно с цивилизацией. Неурожаи вследствие непогоды, стихийных бедствий, войн приводили к массовому вымиранию людей. Это отражено и в мифах: шумеро-аккадский бог Энлиль последовательно насылает на расплодившихся земледельцев болезни, засуху, наконец – потоп. Начинается неурожай, который приводит к катастрофе. Одно из первых в мире описаний массового голода производит страшное впечатление:

По наступлении первого года
От голода тяжело они страдали.
По наступлении второго года
Тяжко страдали они от жажды.
По наступленью третьего года
Черты людей исказил голод.
По наступленью четвертого года
Короткими стали их длинные ноги,
Узкими стали их широкие плечи.
Вдоль улиц брели они, согнувшись.
По наступленью пятого года
Дочь караулила мать в воротах,
Но мать не открыла дочери двери.
Следила дочь за весами матери,
Следила мать за весами дочери.
По наступление шестого года
Дочерей своих они съели,
Сыновей употребили в пищу.
[.....]
Семьи истребляли друг друга.
Их лица покрылись солодом смерти⁴⁴.

---

⁴³ Harlan, Jack R. *The Living Fields: Our Agricultural Heritage*. Cambridge University Press, 1995, P. 239–240.

⁴⁴ Когда Ану сотворил небо. С. 24.

В результате перехода к сельскому хозяйству появилось и явление, которое можно назвать «психологическим голодом». Зависимость земледельца от продуктов его труда была столь велика, что неурожай воспринимался как кара божья, и человек переставал бороться за выживание. Первобытный охотник утолял голод самыми разными способами, был гораздо более изобретателен, изыскивал дополнительные ресурсы в случае охотничьих неудач. Отсутствие зерна выбивало почву у крестьянина из-под ног, делало его апатичным, неинициативным. Еще со времен древнешумерских мифов и до страшного голода в России в 1890-е годы цепь событий казалась естественной и неизбежной: гнев богов – неурожай – голод – смерть.

К тому же оказалось, что пища первобытного охотника и собирателя была гораздо разнообразнее и здоровее, чем монотонная, однообразная и углеводистая еда земледельца. Сегодня на эту тему много написано, появилась даже специальная «палеодиета», которая все больше входит в моду в мире⁴⁵.

Одним из самых страстных критиков аграрной системы сегодня является американский биолог Джаред Даймонд. Работы, пересматривающие отношение к первобытной истории, появились еще в середине XX века⁴⁶. Золотой век «благогородного дикаря», разрушенный жестокой цивилизацией, основанной на сельском хозяйстве и принесшей в мир болезни, войны, гендерное и социальное неравенство, предстал в ином свете. Исходя из этих рассуждений история человечества представляется не энергичным и самодовольным движением вперед, а чередой потерь и лишений. В частности, в вопросах питания.

Труды Даймонда оказались наиболее влиятельными, в первую очередь в силу публицистического дара, которым автор, несомненно, обладает. Со многими его положениями нельзя не согласиться, столь логично они обоснованы. Некоторые откровенно полемичны и высказаны в пику устоявшимся взглядам на неолитическую революцию, которые очень часто голословны и идут вразрез логике. В статье с характерным названием «Худшая ошибка в истории человечества» Даймонд излагает свое видение последствий перехода человечества к земледелию⁴⁷.

С большой иронией, переходящей в сарказм, биолог описывает традиционный для науки взгляд на питание и образ жизни древних охотников: «Большую часть нашей истории мы существовали благодаря охоте и собирательству: мы охотились на диких животных и искали дикие растения. Это была жизнь, которую философы называют отвратительной, жестокой и короткой. Если не выращивать пищу и хранить ее в незначительных количествах, тогда человек без передышки обречен каждый день снова и снова приниматься за поиски диких растений, чтобы не умереть с голода. От этого ужаса мы спаслись только 10 тысяч лет назад, когда в разных частях света люди начали окультуривать растения и одомашнивать животных».

Даймонд обращает внимание, насколько пища охотничьих племен разнообразнее и полезнее: «В то время как фермеры отдают предпочтение таким богатым углеводами культурам, как рис и картофель, комбинация диких растений и мяса животных, составляющая рацион питания оставшихся в живых охотников-собирателей, дает больше протеина и обеспечивает лучший баланс других питательных веществ. В одном из исследований говорится, что в ежедневном рационе бушменов (в течение изобильного едой месяца) содержалось в среднем 2400 калорий и 93 грамма протеина, что намного превосходит норму, рекомендуемую людям их роста. Трудно себе представить, чтобы бушмены, употребляющие в пищу примерно 75 различных видов растений, умерли от голода подобно тысячам ирландских фермеров и их семей, погибших во время неурожая картофеля в 1840-х годах».

---

⁴⁵ См. Павловская А.В. На кухне первобытного человека. М., 2015.

⁴⁶ См., например, труды американских антрополога Маршала Салинза, философа Джона Зерзана и других.

⁴⁷ Diamond Jared. The Worst Mistake in the History of the Human Race // Discovery Magazine, May 1, 1987. P. 64–66. Перевод Антон Шеховцов.

Особенно критически рассматривает американский биолог социальные результаты неолитической революции, возникновение преуспевающей элиты и замученного работой и бедностью большинства, появление превосходства в положении мужчин и угнетение женщин. По его мнению, эту «самую главную ошибку за всю историю человечества» мы сделали в силу демографических проблем, из-за резкого увеличения числа населения (не совсем понятно, с чего оно так увеличилось, если это привело к появлению земледелия, а не наоборот). Променили количество на качество и «в конечном итоге обрекли себя на голод, войны и тиранию».

Завершается статья предупреждением: проблемы, созданные агрокультурой, еще не решены. Золотой век первобытных охотников был длительным и счастливым, нашей «сельскохозяйственной» жизни – кратким и мучительным. Сможем ли мы преодолеть ее печальные последствия? Особенно выразительна попытка показать кратковременность нашей цивилизованной эпохи с помощью часового циферблата. Какой же краткой кажется наша долгая история! «Образ жизни охотников-собирателей был самым удачным за все время существования человечества, а срок самой их жизни был самым долгим. А мы до сих пор сражаемся с тем хаосом, в который ввергла нас агрокультура, и совершенно непонятно, сможем ли мы когда-нибудь разрешить эту проблему. Представьте себе археолога, который прилетел с другой планеты и пытается обрисовать своим космическим соплеменникам человеческую историю. Вероятно, он смог бы проиллюстрировать результаты своих раскопок с помощью суточных часов, в которых каждый час символизирует 100 тысяч лет реального прошедшего времени. Если бы человеческая история началась в полночь, то мы бы сейчас находились в конце первого дня. Мы придерживались образа жизни охотников-собирателей большую часть этого дня: с полуночи до рассвета, затем в полдень и на закате солнца. А под конец дня, в 23:54, мы начали заниматься агрокультурой. И сейчас, когда приближается наша следующая полночь, не поглотит ли нас постепенно подкатывающая волна оголодавших крестьян? Или мы каким-то образом сможем достичь того пленительного счастья, которое, как мы полагаем, кроется за сверкающим фасадом агрокультуры и которое пока ускользает от нас?»

Итак, очевидно, что обретение человеком земледелия и скотоводства породило новый мир, новый образ жизни, новое мировосприятие и абсолютно новую систему питания. Хорошо это, или плохо, или, что наиболее вероятно, имеет свои преимущества и недостатки – вопрос теоретический. Человечество сделало этот шаг 10–12 тысяч лет назад, и на протяжении последующих тысячелетий область распространения сельского хозяйства все расширялась, оттесняя все более малочисленных собирателей и охотников на территории, непригодные для земледелия и скотоводства.

Отметим, что еще в 1500-е годы, к началу эпохи Великих географических открытий, 1/3 часть земного шара была заселена племенами охотников и собирателей: Австралия, обе Америки, большая часть Африки и северо-восточной Азии⁴⁸. И это не говоря о регионах русского Севера и Сибири, о которых часто забывают в зарубежных справочниках. При этом большинство из них не вступали в контакт с представителями сельскохозяйственной культуры и вообще часто ничего не знали об их существовании. Даже в начале XX века десятки народов добывали себе пропитание древнейшим способом и жили укладом наших далеких предков, хотя уже и не изолированно. Правда, в XX веке процесс их «окультуривания» пошел стремительно: к началу нового тысячелетия практически все они перешли на оседлый образ жизни, были административно структурированы и организованы и стали активно пользоваться тем, что называется «благами цивилизации». Но даже сегодня народы, живущие преимущественно охотой и собирательством, сохранились и цепляются за свои привычные традиции и уклад, они все еще проживают в более чем 40 странах мира.

---

⁴⁸ The Cambridge Encyclopedia of Hunters and Gatherers. Richard B. Lee, Richard Heywood Daly. Cambridge University Press, 1999. P. 2.

Однако победу земледелия и скотоводства вполне можно признать полной и окончательной. Так же как и тот факт, что с ней связаны все значительные перемены в жизни человека и даже, как утверждают ученые, в его биологии, физиологии и психике.

Самыми первыми результатами стали оседлый образ жизни, увеличение, и значительное, населения и его плотности, появление городов, градостроительства, культуры, войн, эпидемий, неравенства и прочего, о чем уже упоминалось ранее. Появилась стабильность и возможность создавать значительные запасы питания. Качество его, может, и ухудшилось для части населения, однако теперь можно было думать не только о хлебе насущном, высвободились руки и, если можно так сказать, мозги для других дел, кроме мыслей о пропитании. Возможно, путь был не столь прост, как его представляют, может быть, новый образ жизни и система питания изменили и мировосприятие и мировоззрение человека и на биологическом уровне, так что цивилизация стала потребностью и необходимостью для этого нового человека.

Итальянский философ первой половины XVIII века Джамбаттиста Вико связал воедино все основные явления начальной истории человека, представив их в виде закономерно вытекающих друг из друга этапов. «Сначала были изобретены искусства необходимые – сельские (и притом сначала хлеб, а потом вино), – писал он в своем знаменитом труде „Основания новой науки об общей природе наций“, – затем искусства полезные – скотоводство; потом искусства удобства – городская архитектура; наконец искусства усладительные – танцы»⁴⁹. Именно земледелие оказывается необходимым условием всех дальнейших усовершенствований и достижений человека.

В первобытную эпоху человек научился готовить свою пищу, выделившись тем самым из общей массы других млекопитающих. Он познал законы природы и стал использовать их в своих интересах. Это был первый небольшой шаг в покорении природы. Следующий – стал гигантским: человек сам научился создавать свои продукты питания, он стал творцом наравне с теми таинственными силами, которые раньше давали ему пищу и которые он почитал. Он не просто выращивал теперь свою еду, что уже само по себе было чудом, но он ее и преобразовывал в соответствии со своими вкусами и предпочтениями. Овладев законами природы, человек, совершив революцию или благодаря чуду, вышел на принципиально новый уровень развития.

С этого момента еда перестала быть просто пищей, она стала культурой. Культурой и в своем самом первоначальном смысле, как возделывание земли и уход за полем. И как показатель уровня развития общества. Как определитель воспитанности человека. Как одно из важнейших условий принадлежности к той или иной религиозной, социальной или этнической группировке. Один из наиболее устойчивых факторов, определяющих идентичность человека.

Уже к концу палеолита функции еды вышли за рамки простого насыщения, она стала играть и социальную, и ритуальную, и магическую роль в жизни людей. С эпохи неолита ее значение в общественной, политической, социальной и религиозной жизни все нарастает и усложняется. В этот же период складываются основные пищевые системы человечества, сохранившиеся по сей день.

---

⁴⁹ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М., Киев, 1994. С. 298. Глава 3

Глава 3. Каин против Авеля

Подлинная история человечества начинается с того момента, когда она, эта история, научилась говорить. Сколько бы мы ни пытались восстановить события по немым памятникам, это всегда будут гипотезы и догадки. Даже творения устного народного творчества – мифы, легенды, сказания – становятся историческим фактом только после того, как фиксируются на бумаге (камне, папирусе, глиняной табличке, жестком диске). О том, что к сведениям из письменных источников надо относиться критически, написаны тома. Письменные источники наполнены и ошибками, и прямой фальсификацией данных, и неправильно понятой информацией, а иногда являются и просто поздними подделками, однако это уже «говорящая» история. Это уже реальные прямые свидетельства о жизни прошлого, живой голос древних людей. (Соврать может каждый!) Неслучайно именно с момента возникновения письменных источников ученые говорят о начале исторического периода, «немой» же этап носит название доисторического.

Трудно считать совпадением тот факт, что древнейшая письменность возникла в регионах интенсивного земледелия. Полумесяц оказался плодородным не только в прямом, но и переносном отношении. К числу первых известных нам систем письма относятся шумерская клинопись и древнеегипетские иероглифы, возникшие не позднее 3500 лет до н. э. На одну-две тысячи лет позже письменность появляется и в других земледельческих регионах Полумесяца: древнехананейская на территории Финикии (современные Сирия, Ливан, Израиль, Иордания), лувийская (Анатолия и север Сирии), эламская (Иран) и другие. Около 2000 лет до н. э. появляется китайское письмо. Начиная с IV тысячелетия ведут отсчет и великие мировые цивилизации древности.

Не углубляясь в споры вокруг многозначного и туманного термина «цивилизация», которые ведутся уже не одно столетие, примем его как условное обозначение для неких протогосударственных объединений древности, расположенных на единой более или менее замкнутой территории и характеризующихся рядом общих признаков. Среди них: наличие письменности, социальных групп и разделения труда, оседлый образ жизни, занятие земледелием, наличие городов и того, что принято называть еще более многозначным словом культура.

В период между отступлением ледника и появлением цивилизаций, который можно по аналогии со Средневековьем назвать «темными тысячелетиями», появляются все важнейшие слагаемые культуры сельского хозяйства, культуры питания и культуры в высшем смысле этого слова. Усложнение процесса приготовления пищи и в первую очередь приготовление зерновых культур вызвали к жизни керамическую посуду и разные виды печей. В III тысячелетии до н. э. появляется гончарный круг, и посуда становится предметом повседневным и обыденным. В IV–III тысячелетиях начинается обработка металлов и к керамике присоединяются последовательно медная, бронзовая и железная посуда, а сельское хозяйство обогащается металлическими инструментами: мотыгой, серпом, наконец плугом. Плужное земледелие, с использованием животных в качестве тягловой силы, совершает новый переворот в земледелии, делая его еще более продуктивным. И это тоже происходит где-то в конце IV – начале III тысячелетия до н. э.

Каждое объединение-цивилизация, помимо общих признаков, имеет уже и ярко выраженные региональные различия, в том числе и в традициях питания. Древнейшими цивилизациями считаются Месопотамия (последовательно Шумер и Аккад, Вавилония, Ассирия) и Древний Египет. Чуть позже возникают государства в Малой Азии – Хеттское царство, страны Леванта, в Европе – крито-микенская культура, древние цивилизации Китая и Индии. Они меняли свои названия, завоевывали друг друга, исчезали и возникали вновь под новым именем. Однако именно на этих территориях складывались основания нового мира и

новой системы, основанных на победивших уже к этому времени земледелии и скотоводстве. Кровно связанные с наследием первобытного общества, они создавали новые ценности и идеалы, новые мифы и религии, новых богов и героев.

Два важнейших противоборства той поры связаны непосредственно с системой производства и потребления пищи. Борьба между различными «пищевыми системами» и связанными с ними образом жизни и мировоззрением была долгой и лишь к концу эпохи пришла к некоему логическому завершению, дав начало новому типу людей. Полностью она не завершилась и сегодня, а типы эти сыграли ключевую роль в последующей истории человечества.

Первое, изначальное, – это противостояние присваивающего и производящего хозяйства – охотников-собирателей и земледельцев. Второе, более позднее, – скотоводов-кочевников и оседлых земледельцев.

Образ «дикаря» – сильного, выносливого, живущего среди животных, мы встречаем в одном из первых литературных произведений в истории – «Эпосе о Гильгамеше»⁵⁰. Записанный примерно 4 тысячи лет назад (реальный Гильгамеш жил на тысячу лет раньше) на основании более древних шумерских сказаний, он является и незаменимым источником информации о жизни Древней Месопотамии, и замечательным художественным произведением. Герой Энкиду, созданный богами как «подобье» правителя Урука Гильгамеша, чтобы последнему было с кем меряться силой и отвагой, первоначально ведет дикий, полуживотный образ жизни:

Шерстью покрыто все его тело,
Подобно женщине, волосы носит,
Пряди волос как хлеба густые;
Ни людей, ни мира не ведал,
Одеждой одет он, словно Сумукан.
Вместе с газелями ест он травы,
Вместе со зверьми к водопою теснится,
Вместе с тварями сердце радует водою...

Сумукан – бог, покровитель диких зверей, так что Энкиду либо ходил нагой, либо в звериных шкурах. Обращает внимание и тот факт, что могучий герой был вегетарианцем, питался исключительно травой. Более того, он мешал охотникам (они же пастухи-скотоводы, так как ходят по степям со своими стадами), выступая защитником животных. Один из пастухов-охотников пожаловался Гильгамешу: «Я вырою ямы – он их засыплет, // Я поставлю ловушки – он их вырвет, // Из рук моих уводит зверье и тварь степную, – // Он мне не дает в степи трудиться!»

Приобщение Энкиду к благам цивилизации и отлучение его от дикого животного мира идет двумя путями. Во-первых, к нему посылают блудницу, перед которой он не может устоять, после чего от него разбегаются его прежние друзья-звери, он становится для них чужим. Довершает дело превращения его в нормального (т. е. цивилизованного) человека приобщение его к зерновой пище (сикера – род пива):

На хлеб, что перед ним положили,
Смутившись, он глядит и смотрит:
Не умел Энкиду питаться хлебом,
Питью сикеры обучен не был.
Блудница уста открыла, вещает Энкиду:
«Ешь хлеб, Энкиду, – то свойственно жизни,

---

⁵⁰ Все цитаты из Эпоса в книге даны по изданию: Эпос о Гильгамеше («О все видавшем»). Перевод с аккадского И.М. Дьяконова. СПб., 2006. Серия «Литературные памятники».

Сикеру пей – суждено то миру!»
Досыта хлеба ел Энкиду,
Сикеры испил он семь кувшинов.
Взыграла душа его, разгулялась,
Его сердце веселилось, лицо сияло.
Он ощупал свое волосатое тело,
Умастился елеем, уподобился людям,
Одеждой оделся, стал похож на мужа.

Примечательно, что в целом отношение к дикарю вполне доброжелательное, люди восхищаются его силой, «могучей рукой», крепкими, как из камня, руками, его невинностью и неприхотливостью, хотя и боятся его непредсказуемости. Хлеб и пиво преобразуют его, меняют его взгляд на мир и себя самого. Он сохраняет свою силу, мощь и даже в некоторой степени наивность, но становится из полуживотного человеком.

Примечателен тот факт, что пастушество в шумеро-аккадских сказаниях принципиально отделено от земледелия. Земледельцы живут в городах, скотоводы бродят в степях или горах. При этом пастушество неразрывно связано с охотой, вытекает из нее. И преобразенный Энкиду становится защитником пастухов: они теперь спокойно спят по ночам – «великие пастыри», а Энкиду в это время сражается со львами и «укрошает» волков, он теперь для пастухов «их стража, муж неусыпный».

Победа оседлого земледелия над охотничьим образом жизни отражена и в Библии. Отношение Ветхого Завета к земледелию неоднозначное, совершенно очевидно, что эта часть Священного Писания рождена в недрах скотоводческого уклада, так что земледельцы преимущественно представлены не в лучшем виде – обманщиками и лжецами. Однако их победа над первобытным образом жизни неоспорима.

История о двух сыновьях Исаака и Ревекки иллюстрирует противоборство между охотой и сельским хозяйством, между диким и оседлым образом жизни. Исав и Иаков – близнецы, но Исав был рожден первым и по закону являлся старшим. Еще когда оба сына были в утробе, Господь сообщил Ревекке, что два ее сына будут зачинателями двух племен и двух различных народов, при этом «большой будет служить меньшему» (Бытие, 25:22–24). Основные события этой истории изложены в Бытие, однако из других частей, в том числе и Нового Завета, мы узнаем, что Господь изначально «возлюбил Иакова, а Исава возненавидел» (Послание к римлянам, 9:10). То есть выбор оседлого хозяйства – Божий выбор, хотя история с братьями вызывает симпатию, скорее, к Исаву.

Исав родился «красный, весь, как кожа, косматый» и вырос «человеком искусным в звероловстве, человеком полей». Исаак любил его больше брата, причем по вполне практичным причинам, «потому что дичь его была по вкусу его». Иаков родился следом, держась за пята Исав, и вырос «человеком кротким, живущим в шатрах». Он был любимцем матери. Дикий Исав – охотник, но и Исаак предпочитает еще его пищу, хотя сам и является скотоводом. С Иаковом сложнее, он, конечно, тоже скотовод, как и его отец, и в скором будущем ему придется долго служить пастухом у своего будущего тестя Лавана (он же дядя по линии матери). Однако очевидно, что он занимается и земледелием, на это указывает и эпизод с чечевичной похлебкой. Преимущественно скотоводческий род занятий соседствовал с земледелием как дополнительным источником пропитания, так же как земледельцы содержали скот для мяса и шерсти.

Первый обман, покупка первородства, строится на пищевой антитезе:

«И сварил Иаков кушанье; а Исав пришел с поля усталый. И сказал Исав Иакову: дай мне поесть красного, красного этого, ибо я устал... Но Иаков сказал [Исаву]: продай мне теперь же свое первородство. Исав сказал: вот, я умираю, что мне в этом первородстве? Иаков сказал [ему]: поклянись мне теперь же. Он поклялся ему, и продал [Исав] первородство свое Иакову.

И дал Иаков Исаву хлеба и кушанья из чечевицы; и он ел и пил, и встал и пошел; и пренебрег Исав первородство» (Бытие, 27:34).

История эта подтверждает излюбленную версию современных ученых: охотничий промысел ненадежен и непостоянен, дичь вкусна, но не всегда достижима. Хлеб и «красное» кушанье из чечевицы, может, не столь привлекательны, зато доступны и хорошо насыщают. Земледельческая пища, пусть и обманом, но получила право первенства и вытеснила плоды охоты, оставив их как деликатес для особых случаев. Она показана здесь как пища повседневная, способная утолить голод в любой момент.

Борьба за первородство продолжилась, когда состарившийся Исаак, ожидая смерти, решил на всякий случай дать свое благословение заранее (вся история излагается в: Бытие, глава 27). И здесь происходит второй обман, теперь уже дичь на столе вытесняет домашний скот, причем на праздничном столе. Перед благословением, для поднятия настроения, Исаак решает хорошо, вкусно и празднично покушать и просит своего старшего сына Исав: «возьми теперь орудия твои, колчан твой и лук твой, пойди в поле, и налови мне дичи, и приготовь мне кушанье, какое я люблю, и принеси мне есть, чтобы благословила тебя душа моя, прежде нежели я умру». Ревекка же, подслушав разговор, уговаривает побаивающегося Иакова обмануть отца и так же получить обманом благословение, как и первородство.

Она велит младшему сыну: «пойди в стадо и возьми мне оттуда два козленка [молодых] хороших, и я приготовлю из них отцу твоему кушанье, какое он любит, а ты принесешь отцу твоему, и он поест, чтобы благословить тебя пред смертью своею». Иаков так и поступает, берет приготовленную матерью козлятину и хлеб и несет отцу. Исаак удивляется, что все готово так быстро, он хорошо знает, что охота требует времени. Он сомневается и, будучи почти слепым, ощупывает кожу сына, которую мать предусмотрительно обложила кожей козлят. Убедившись в косматости рук и шеи, Исаак верит, что перед ним Исав, и дает свое благословение. Интересно, что гурман и любитель дичи Исаак разницы в пище не замечает, хорошо приготовленное мясо домашнего скота не хуже охотничьих трофеев.

Последний «пищевой» обман Иакова показывает, что пастухи древности умели управлять рождаемостью скота и знали о принципах селекции, хотя и не раскрывает механизма их действий. Отслужив у своего дяди-тестя Лавана, Иаков просит себе весьма скромную плату – черных овец и пестрых коз, а сам вызывается еще немного послужить. Лаван радостно соглашается, так как знает, что такие животные в стаде редкость. Для безопасности он отправляет своих сыновей с отобранным в награду Иакову «цветным» скотом подальше, чтобы избежать в дальнейшем появления подобного приплода.

Иаков же оставшееся до ухода время занимается «селекцией». Он наделал прутьев из разных видов деревьев, снял с них кору, видимо достигнув таким образом пестроты, и в подходящее для размножения время клал их перед скотом у водопоя, «куда скот приходил пить, и где, приходя пить, зачинал пред прутьями». В итоге «рождался скот пестрый, и с крапинами, и с пятнами». Среди «пестрых» он также производил отбор: «Каждый раз, когда зачинал скот крепкий, Иаков клал прутья в корытах пред глазами скота, чтобы он зачинал пред прутьями. А когда зачинал скот слабый, тогда он не клал». В итоге Иаков забрал себе много крупного и сильного скота, а Лавану остался мелкий и слабый.

Роль прутьев в этой истории не совсем ясна, однако сам факт управления рождаемостью привлекает внимание.

Второе противостояние древности – между земледелием и скотоводством. Оно также сохранилось в древнейших источниках, относящихся к тем регионам, где оно было актуальным, вызывало проблемы, конфликты и, вероятно, было связано с различными религиозными культурами.

Необходимо сразу оговориться, что речь идет о принципиально разных хозяйственных укладах, в которых зерно или скот преобладали, являлись основой существования и образа

жизни. Это отнюдь не означает, что земледельцы не держали скота, а пастухи не пробовали хлеба. Более того, земледелие изначально было ориентировано на содержание животных, тех, кто потреблял побочные продукты земледельческих культур. Среди них всеядные свиньи, особо любимые зерноедками и презиравшиеся издавна настоящими скотоводами, не требовавшие особых условий содержания, коровы и быки, потреблявшие оставшуюся после сбора зерновых солому, первые давали молоко, сыр и масло, а вторые служили главной тягловой силой при обработке полей. Позднее к ним присоединились домашние птицы, которых кормили зернами. Помимо зерна, эта часть населения занималась и разведением садов и огородов: пресная и однообразная зерновая пища требовала обогащения вкусами и витаминами. Все это комплексное земледельческое хозяйство предполагало исключительно оседлый образ жизни, было привязано к дому и земле.

Под скотоводами, в древних источниках их называют пастухами, подразумеваются те, кто занимался кочевым или отгонным выпасом скота, т. е. постоянно или сезонно мигрировал вслед за своими стадами по пастбищам. Пасли они преимущественно овец или коз, животных, постоянно нуждавшихся в свежих источниках пропитания. Эти группы людей вели кочевой образ жизни, греки называли их «номады», и в их среде сложился особый уклад и мировоззрение. В силу особенностей образа жизни археологические источники их гораздо более скудные, чем те, которые остались от живших на одном месте земледельцев. Последние оставили и большую часть древнейших письменных свидетельств противостояния и взаимодействия двух хозяйственных и жизненных укладов.

Согласно мифологии Месопотамии, как было сказано выше, боги создали Ашнан-Зерно и Лахар-Овцу одновременно, после чего на земле наступило процветание и изобилие. Накормив и напоив богов и людей, Ашнан и Лахар устроили пир и для себя, они «сладко» испили вина, «вкусно» испили пива, после чего поссорились: кто из них главнее⁵¹. Доводы Зерна сводились к следующему:

Герою героев я даю мою силу.
Я поддержка соседства и дружбы,
Я примиряю соседей в ссоре...
Я Ашнан-Зерно, Изумрудноверкающая,
я воистину дитя Энлиля!
В овечьем загоне, пастушьей хижине, под небом пустыни,
я – повсюду!

Овца отвечает, что она создана самим Ану, «владыкой всех богов», верховным богом неба. Она особо отмечает, что дает одежду всем, в том числе и царям: «В моем одеянье сияющей белой шерсти // Царь веселится на своем престоле». Не забывает и о том, что ее жертвенные подношения угодны богам, а еда мужчинам:

Я в полях мужей пропитанье.
Я мешок из кожи с водою прохладной,
я – кожаные сандалия...
Я сладкое масло, богам воскуренье...

Зерно возражает, что она – главная на столе, не в последнюю очередь благодаря пиву, которое из нее производится. К тому же и пастухи любят хлеб:

---

⁵¹ Спор Зерна и Овцы приводится по: От начала начал. С. 74–79.

Когда пивной хлебец в печке прожарится,
Когда сусло в печке проварится,
Сама Нинкаси их для меня смешает!
И все козлы твои, все бараны
Окончат жизнь на моем застолье!
От моих даров зависит, как на столе их расставят!
К моим дарам под небом пустыни
твой пастух вздымает очи!

Зерно приводит гораздо больше убедительных доводов, чем Овца, которая в основном издевается над способами обработки зерна. Она перечисляет все этапы выпечки хлеба в древности: «Палками глаза твои бьют, уста твои бьют. // Когда колосья твои точно в ступке разбиты. // И ты вздымаема южным и северным ветром, // И каменные жернова по тебе гуляют. // И лик твой ручными камнями перетирают, // А потом ты собою квашню заполняешь. // Пекарь рубит тебя и швыряет, // Пекарка раскатывает тесто. // А потом тебя ставят в печку // И вынимают тебя из печки».

Зерно же указывает на то, что образ жизни пастухов заметно уступает земледельцам. Они скитаются по пустыням и горам, строят тростниковые хижины, которые легко уничтожаются ветрами и ураганами, вынужденно соседствуют со всяким сбродом:

А когда я встаю в борозде посреде поля,
Мой земледелец твоего подпaska дубинкою изгоняет!
С полей тебя отправляют в места безлюдья,
И тебе оттуда не выйти —
Скорпионы, змеи, разбойные люди —
все, что есть в пустыне, —
Твой приговор под небом пустыни!

Спор прекращают боги, отдав пальму первенства Зерну: «Пусть пред Зерном преклонят колени». Зерно объявляется символом власти и богатства. А те, кто владеют быками, овцами, серебром и «каменьями дорогими», должны служить тем, кто хозяин зерна – главной ценности. И чтобы почувствовать это, владелец стад, «В воротах того, кто Зерном владеет, пусть постоит».

Спор этот свидетельствует еще и о том, что в древности земледелие и пастушество были неразрывно связаны, хотя уже и имели разные функции в обществе и восприятии их места в жизни людей, о чем речь пойдет ниже. Процесс обособления и размежевания начался позднее, в эпоху складывания цивилизаций и деления народов на разные культурные типы. Энке, защитник людей, просит: «Отче Энлиль, Овца и Зерно, // Пусть обе они ходят вместе». Пастухи и земледельцы часто сосуществовали бок о бок, а судя по сохранившимся записям, по настоящему состоятельные люди владели в то время и землями, и стадами.

Острее противостояние земледелия и пастушества отражено в Библии. В ней особенно заметна борьба разных начал, основного семитского скотоводческого и поздних земледельческих влияний. Она составлена в более поздний период, шумерские сказания и размежевание двух культур в ней гораздо заметнее.

Адам, вынужденно обратившийся к сельскохозяйственному труду, добывавший пищу после изгнания из Рая в поте лица своего, родил двух сыновей: Каина и Авеля. История их жизни изложена в нескольких строчках, но за ней стоят тысячелетия человеческой истории, и ее моральное влияние на последующую историю оказалось весьма значительным. Итак, «Адам познал Еву, жену свою; и она зачала, и родила Каина, и сказала: приобрела я человека от Гос-

пода. И еще родила брата его, Авеля. И был Абель пастырь овец, а Каин был земледелец. Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли дар Господу, и Абель также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лицо его... И сказал Каин Авелю, брату своему: [пойдем в поле]. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его. И сказал Господь [Бог] Каину: где Абель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему? И сказал [Господь]: что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей; когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле» (Бытие, 4:1–13).

Милый, добрый Абель – пастух, злобный и лживый Каин – земледелец. Бог отвергает дары земли и принимает кровавые животные жертвы. Каин убивает брата, и не где-нибудь, а на поле, куда специально для этого ведет с места жертвоприношений. Невинная кровь пролита на землю, и Каин проклят от ее имени и обречен на изгнание. Предпочтения автора здесь не вызывают сомнения.

Интересно, что последующие толкователи Библейской истории, жившие в ту эпоху, когда приоритеты заметно поменялись местами, пытались объяснить это для них уже туманное место. Так, еврейский историк Иосиф Флавий в I веке считал, что виной всему корыстолюбие Каина, стремившегося только к своей выгоде: «Младший, Абель, старался быть справедливым и стремился к добродетели, так как был уверен, что Господь видит все дела его. По занятию своему он был пастухом. Каин же был во всех делах своих весьма порочен и имел в виду одну только цель – получать выгоды; он первый изобрел земледелие, а [затем] убил брата своего по следующей причине. Однажды они решили принести жертвы Господу Богу. Каин возложил [на алтарь] произведения своего земледелия и плоды деревьев, Абель же молоко и первородное из стад своих. Господу же последняя жертва понравилась более, так как Он отдавал предпочтение тому, что возникло самостоятельно сообразно самой природе, перед тем, что было насильно вызвано из земли по расчету корыстолюбивого человека»⁵². Звучит несколько сомнительно, жертва зерном и плодами получается более жестокой, чем овечками и телятами.

В Коране история о двух братьях, сыновьях Адама, принесших жертву Аллаху, рассказана кратко и без подробностей. Коранические же истории предоставляют ее в пастушески-романтизированном виде. Кабил, старший сын, жестокосердный, грубый и ленивый, собрал для жертвоприношения колосья еще незрелой пшеницы, а поднявшись на холм, небрежно бросил их на землю. Налетевший ветер немедленно разметал их. Неудивительно, что его жертва была отвергнута. А Хабил, младший, добрый, вежливый, милосердный и трудолюбивый, выбрал из своего стада «самого большого, красивого и жирного барана» и с молитвой предложил его Аллаху. Убийство пастуха происходит в пасторальной идиллии: «Хабил погнал своих овец на выпас... Хабил пас овец, перегоняя их с одного пастбища на другое, и наблюдал за ними, любясь творениями Господними и размышляя над Его могуществом... Мир был прекрасен!»⁵³ Так он и принял смерть, окруженный мирными овцами, от руки злобного земледельца.

Интересно и продолжение библейской истории. Изгнанный Каин пошел на восток и, будучи земледельцем по призванию, основал там город, который заселили его потомки. Его потомки, как и следовало наследникам земледельческой оседлой культуры, освоили самые разные занятия и ремесла. Библия называет среди них и «отца всех играющих на гусях и свирели», и «ковача всех орудий из меди и железа», и даже «отца живущих в шатрах со стадами», так как земледельческое поселение нуждалось и в продуктах скотоводства.

---

⁵² Иосиф Флавий. Иудейские древности. Минск, 1994. С. 10–11.

⁵³ Камал ас-Сейед. Коранические истории. М., 2013. С. 17–18.

Разделение народов на скотоводов и земледельцев нашло свое отражение в тех жертвоприношениях, которые предпочитали их боги, разделявшие вкусы поклонявшихся им людей. Библейский Бог выбрал мясо жертвенных животных. Помимо упомянутого Авеля, есть и другие свидетельства. Ной, оказавшись на суше после Потопа, первым делом «взял из всякого скота чистого и из всех птиц чистых и принес во всеожжение на жертвеннике». Его жертва была принята весьма благосклонно, и человечество было прощено за грехи свои: «И обонял Господь приятное благоухание, и сказал Господь [Бог] в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека» (Бытие, 8:20–22). Авраам был готов принести в жертву даже своего сына Исаака, подмененного в последний момент овном (Бытие, 22:10–13).

Есть в Ветхом Завете и прямые указания, весьма натуралистические, на то, какими должны быть жертвы и как их приносить. В Книге Левит Моисей получает их от самого Бога: «когда кто из вас хочет принести жертву Господу, то, если из скота, приносите жертву вашу из скота крупного и мелкого. Если жертва его есть всеожжение из крупного скота, пусть принесет ее мужеского пола, без порока... и заколет тельца пред Господом; сыны же Аароновы, священники, принесут кровь и покропят кровью со всех сторон на жертвенник, который у входа скинии собрания; и снимет кожу с жертвы всеожжения и рассечет ее на части... и разложат сыны Аароновы, священники, части, голову и тук на дровах, которые на огне, на жертвеннике; а внутренности жертвы и ноги ее вымоет он водою, и сожжет священник все на жертвеннике: это всеожжение, жертва, благоухание, приятное Господу». Так же следует поступать и с мелким скотом, овцами или козами. С птицами же иначе: «Если же из птиц приносит он Господу всеожжение, пусть принесет жертву свою из горлиц, или из молодых голубей; священник принесет ее к жертвеннику, и свернет ей голову, и сожжет на жертвеннике, а кровь выщедит к стене жертвенника; зоб ее с перьями ее отнимет и бросит его подле жертвенника на восточную сторону, где пепел; и надломит ее в крыльях ее, не отделяя их, и сожжет ее священник на жертвеннике, на дровах, которые на огне: это всеожжение, жертва, благоухание, приятное Господу» (Книга Левит, 1:1–17).

Новый Завет отменил животные жертвоприношения, Христос, как агнец Божий, провозглашается истинной искупительной жертвой человечества. В послании к Евреям прямо говорится, что «невозможно, чтобы кровь тельцов и козлов уничтожала грехи» (Послание к Евреям, 10:4). Это новая вера и новая эпоха.

Животные жертвоприношения были изначально приняты повсеместно, среди всех народов и племен. Это память о далеком прошлом человечества, его охотничьей сущности, о былой тесной связи с силами природы. Как все суеверия, такие жертвы оказались крайне живучи. Однако с течением времени ситуация меняется.

Так, древние боги Месопотамии, основой процветания которой было земледелие, вполне довольствовались и зерновыми подношениями. Причем даже в самых экстремальных ситуациях. Один раз боги наслали на людей страшные болезни, мор, чуму и язву, и человечество оказалось на грани полного вымирания. Тогда бог Энки, всегда тайком помогавший людям, подсказал им: «Хлебы печеные пред ними поставьте, // Мукой сезама воздайте жертву!»⁵⁴ И это помогло. В другой раз уставшие от «людского гомона» боги наслали страшный голод. И снова хлеб и мука сделали свое дело.

Древний Египет представлял собой комплексную культуру, этакую страну изобилия в пищевом вопросе. Деление на Верхнюю и Нижнюю части, несмотря на то что они были объединены под властью первых фараонов еще в начале IV тысячелетия до н. э., сохранялось в том числе и в хозяйственном отношении. Нижний Египет, местность заболоченная, хотя и знал земледелие, но специализировался на скотоводстве, виноградарстве, охоте, в частности птицеводстве. Верхний был царством зерна – ячменя и пшеницы. Обе части взаимно дополняли

---

⁵⁴ Когда Ану сотворил небо. С. 70.

друг друга в хозяйственном плане. Смешанными были и жертвоприношения, масштабные, как и полагалось стране изобилия. Так, в храме, посвященном солнцу, неподалеку от современного Каира, на большом жертвеннике солнцу приносились бесчисленные жертвы, в том числе целые стада скота. Кровь закланных и рассеченных животных ручьями текла отсюда по отводным желобам. В новый год солнцу жертвовали свыше 100 000 трапез хлеба и пива⁵⁵. Оба вида жертвы были угодны египетским богам.

Интересно проследить и эволюцию в жертвоприношениях, связанную, вероятно, с изменениями в хозяйственном укладе и пищевых предпочтениях. Согласно мифологической истории первыми людьми, населявшими Древнюю Грецию, были легендарные пеласги, изначально проживавшие в Аркадии. Они были пастухами и охотниками, поклонялись соответственно козлоному Пану и Артемиде-охотнице. Именно легендарные пеласги якобы впервые научились земледелию, а потом смешались с неким пришлым населением, которых Геродот называет эллинами. Хлеб постепенно стал главенствовать на древнегреческом столе (напомним, что на территории Греции находят древнейшие в Европе следы одомашненного зерна и бобов), но в своих обрядах греки придерживались древних традиций. Так же как и хранили память о древнем племени козопасов, когда-то населявшем эти земли. В мифологии и Зевс оговаривает у людей через посредничество Прометея свою мясную долю подношений, причем выбирает ту, что пожирнее.

В произведениях Гомера герои-воины еще питаются почти исключительно мясом и жертвы приносят мясные, причем с большим размахом. Правда, жертвенное животное посыпается солью и ячменем, существует и сопутствующий обряд «возлияния» богам медом и вином, также уходящий корнями в глубокую древность. Однако главным в жертвоприношении остается мясо – быков, коров, тельцов, овец, баранов, свиней. Одиссей, пытаясь проникнуть в царство мертвых и испросить совета, собственноручно совершает действие, несколько наспех и, так сказать, в походных условиях, но пообещав в будущем более серьезную жертву:

«Сам я барана и овцу над ямой глубокой зарезал;
Черная кровь полилася в нее, и слетелись толпою...
Души усопших, из темных бездн Эреба поднявшись»
«Кликнув товарищей, им повелел я с овцы и с барана,
Острой зарезанных медью, лежавших в крови перед нами,
Кожу содрать и, огню их предавши, призвать громогласно
Грозного бога Аида и страшную с ним Персефону».

(Одиссея, песнь XI, перевод В. А. Жуковского)

Старец Нестор, принося жертву Афине, делает это неспеша и обстоятельно. Он выбирает годовалую телку, «под ярмом не бывавшую в жизни ни разу», велит позолотить ей рога:

Престарелый же Нестор наездник,
Руки омыв, ячменем всю телушку осыпал и, срезав
Шерсть с головы ее, бросил в огонь и молился Афине.
Все помолились потом и осыпали зернами жертву...
Ножом Фрасимед ее в шею ударил. Когда же
Черная вытекла кровь и дух ее кости оставил,
Тотчас на части ее разделили и, вырезав бедра
Так, как обычай велит, обрезанным жиром в два слоя
Их обернули и мясо сложили на них остальное.

---

⁵⁵ Перепелкин Ю.Я. История Древнего Египта. СПб., 2000. С. 160.

Нестор сжигал на огне их, багряным вином окропляя.
Юноши, около стоя, держали в руках пятизубцы.
После, как бедра сожгли и отведали потрохов жертвы,
Прочее все, на куски разделив и наткнувши на прутья,
Начали жарить, руками держа заостренные прутья.

(Одиссея, песнь III, перевод В. В. Вересаева)

Римские боги, в значительной степени заимствованные из Греции, были менее привередливы и благосклонно относились к хлебным и мучным подношениям, заменявшим нередко мясные жертвы. Римская культура была менее склонна к традиционализму, более адаптивна и целиком зависела от хлеба и зерна. Даже злобного Цербера, охранявшего входы и выходы в царство мертвых, у римлян можно было подкупить только сладкими лепешками (см., например, Вергилий, Энеида, книга VI).

Свои метаморфозы происходили и в скотоводческой среде. Надо отметить, что многие народы, занимавшиеся пастушеством, постепенно отходили от своей первобытной охотничьей основы и создавали новый пищевой, а с ним и бытовой уклад. В частности, молоко и молочные продукты становились в их среде преобладающими, дополняемые продуктами земледелия и, в подходящих по климату регионах, растениями и травами, объектами древнейшего собирательства. Надо отметить, что скотоводство неразрывно связано с растительностью, от нее зависит его успех и процветание.

Именно пастушеские изначально народы с течением времени иногда приходили к воздержанию или даже отказу от мясной еды. Возможно, внутренняя связь с опекаемыми ими животными становилась слишком тесной. Или отношение к скоту как потенциальному богатству заставляло беречь его. Трудно найти материальные причины, особенно теряющиеся во тьме веков, остается только принять факты.

Так, зороастрийцы, носители древнейшей религии, распространенной когда-то на территории Ирана, были скотоводами. Согласно их представлениям первая пара людей, Мартья и Мартьянак, от которой пошли все племена, питалась следующим образом: сначала только водой, затем растениями, потом они оказались в степи, где «нашли белую козу и стали сосать ее молоко прямо из вымени». Следующей судьбоносной встречей было «темная овца с белой челюстью», которую они убили и стали питаться мясной пищей и оделись в шкуры. Далее следует обретение огня, на котором изжарили овцу, не забыв принести мясную жертву огню и небесным богам⁵⁶. Интересно, что эти «мать и отец мира» считаются творениями Злого Духа, соответственно оцениваются и их деяния.

Неоднозначно и отношение к Йиме, пережившему потоп (точнее, страшную зиму и последующее таяние снегов). Он – царь-пастух, ассоциирующийся с «золотым веком», когда крупного и мелкого скота было так много, что он не вмещался в землю. По совету единого высшего бога Ахура-Мазды Йиме строит глиняную крепость, где прячет лучший скот («семя всех самцов и самок, которые на этой земле величайшие, лучшие и прекраснейшие»⁵⁷) и растения, вместе с которыми переживает зиму и последующий потоп. Нетрудно узнать в этой картине ледниковый период и его последствия.

Подобно спасшимся праведникам других религий, Йиме совершил после своего спасения жертвоприношение. Его подношение показывает систему пищевых предпочтений и ценностей древнеиранских скотоводов: его жертва состояла из молока, сливок и масла⁵⁸.

---

⁵⁶ Заратустра. Учение огня. Гаты и молитвы. М., 2002. С. 41.

⁵⁷ Авеста в русских переводах (1861–1996). СПб., 1997. С. 79.

⁵⁸ Заратустра. Учение огня. С. 51.

Йиме принес своему народу процветание, спас человечество от замерзания. Однако он согрешил, и, согласно одной из версий, грех его заключался в том, что он научил людей забивать скот и есть мясо, что стало причиной грехопадения человечества и привело к окончанию «золотого века».

Вся культура древних иранцев связана со скотоводством. Вот Душа Быка обращается к Ахура-Мазде с мольбой о защите («мои бока терпят стыд кнута и боли», кнут здесь не намек ли на земледелие?). Мазда отвечает, что создал все гармонично: «для людей я создал скот», «для скота я создал ряд пастбищ», он предлагает своего пророка Заратуштру (Зороастра на греческий манер) в покровители скоту, считая, что только он один целиком и до конца верен его учению. Но Душа Быка не удовлетворяется и этим: «Жизнь людская коротка, // а Быка – небезопасна. // Защитить меня бы мог // только Ты рукою властной!»⁵⁹

Бык в древности оказался своеобразным камнем преткновения между земледелием и скотоводством. За власть над его душой боролись и пахари, и пастухи. И поклонялись ему. Для древних шумеров он залог богатства и успеха, «Песнь пашущего быка» весела и оптимистична:

Э-гей, живей!
Ты, бык, шагай, шею под ярмом склоняй!
Царский бык, шагай, шагай, шею под ярмом склоняй!
Это я, страны землешапец.
Это я, Энлиля сын,
Я – Шумера господин!
Э-гей, живей!
Окликаю моим внимаю,
К понуканьям привыкай!⁶⁰

Древнегреческий писатель Эсхил (425 до н. э. – 456 до н. э.), прозываемый отцом европейской трагедии, был уроженцем города Элевсин, крупнейшего греческого центра земледелия и поклонения богине Деметре. Земледельческие культы, называемые элевсинскими мистериями, наложили отпечаток на все его творчество и мировосприятие. Его Прометей – благодетель человечества, выведший его из мрака дикости, он провозглашает, что «все искусства – Прометеев дар». Перечисляя свои деяния, этот титан говорит:

Я первый, кто животных приучил к ярму,
И к хомуту, и к вьюку, чтоб избавили
Они людей от самой изнурительной
Работы.

(Эсхил. Прометей прикованный. Перевод С. Анта)

Для земледельца бык – это спасение от тяжелого труда. Кстати, у Плиния Старшего есть упоминание о том, что именно Прометей, любивший попирать божественные основы, первым убил быка⁶¹.

Зороастрийцы-скотоводы твердо верили, что только они могут стать подлинными защитниками животных и прежде всего – быков и коров. Они открыто противопоставляли себя земледельцам. В учении Заратуштры рассказывается, что Ахура-Мазда предоставил Быку право

---

⁵⁹ Там же. С. 191.

⁶⁰ От начала начал. С. 94.

⁶¹ Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996. С. 144.

свободного выбора: «...право дал // выбирать скоту: кто будет – // непастух или пастух – // властвовать над ним отныне».

Избрала Душа Быка
пастуха своим владельцем,
чтобы Правду он стерег,
Добрый Помыслом ведомый.
Этого непастуху
не дано, как бы ни тшился⁶².

Зороастрийцы почитали и землю, и растительность, это была пища для скота. Особенную роль играла вода, в степных регионах, где они проживали, она была залогом процветания животных, а значит, и людей. Интересно, однако, что лягушки и змеи, высоко почитаемые древними земледельцами, в зороастризме являлись враждебными существами, подлежащими уничтожению.

Среди так называемых индоиранских народов (или ариев) были и земледельцы, и скотоводы. В разных источниках нашли отражение оба хозяйственных уклада. Иногда встречается и смешение. В учении древнеиндийского прародителя рода человеческого Ману, называемом «законами», подробно разбирается состав и порядок жертвоприношений. Надо отметить, что законы эти, касающиеся пищи, весьма противоречивы и порой взаимоисключающи. Они в течение веков, а некоторые исследователи считают, что тысячелетий, существовали в устном виде и не могли оставаться неизменными. По всей вероятности, стремление к полному отказу от мясной пищи нарастало с течением времени, и учение пополнялось новыми предписаниями, сохраняя старые. В большинстве случаев мясо разрешается только то, которое является жертвенным и должным образом освящено. Отказ же от мясной жертвы противоречит древним книгам, потому жертвоприношение скота, скрепя сердце, сохраняется.

Обращает на себя внимание и другое: рекомендации по переходу на растительную и молочную пищу чаще всего предполагают древнейший растительный пласт, «чистых кушаний из плодов и корней», а не зерновые культуры. Несмотря на присутствие пшеницы, ячменя и риса в «законах», не они рекомендуются в качестве замены мяса.

Земледелие называется «прамритой», допускается в виде рода занятий, однако переводится как «гибельный» в значении «причиняющий другим существам гибель». Гораздо более достойным провозглашается «рита» («праведный»), собирание зерна на чужом поле после уборки урожая хозяином⁶³. Это не земледелие, а своего рода собирательство. Невольно вспоминается ветхозаветная история о праведнице Руфи, собиравшей колосья на поле Вооза. В Ветхом Завете это есть акт милосердия и благодати, заповедь Бога: «Когда будете жать жатву на земле вашей, не дожинай до края поля твоего, когда жнешь, и оставшегося от жатвы твоей не подбирай; бедному и пришельцу оставь это. Я Господь, Бог ваш» (Книга Левит 23:22).

Запрещаются некоторые излюбленные продукты питания земледельцев: чеснок, лук, порей, грибы, домашняя свинья и любимец зерноядов петух. Брахманы должны также избегать употреблять в пищу рис, сваренный с кунжутом, пшеничные и рисовые лепешки на молоке, если они приготовлены не для жертвоприношений. Множество запретов и предписаний касается молока: запрещается свернувшееся молоко коровы, кроме простокваши и изделий из нее, молоко диких животных и женское, стельной коровы и потерявшей теленка, овечьё, однокопытных животных и т. д.

---

⁶² Заратустра. Учение огня. С. 199.

⁶³ Здесь и далее: Законы Ману. М., 1992. С. 136, 180, 182–185.

Но больше всего строгостей и оговорок касается потребления мяса. Жертвоприношение животных разрешается с отсылкой к Ведам, древнейшему писанию индуизма: «Ведь в древности при жертвоприношениях, совершавшихся брахманами и кшатриями, приношения состояли из [мяса] животных и птиц, дозволенных для употребления в пищу». Эта мысль повторяется несколько раз, вступая в противоречие с другими высказываниями: «Животные самим Самосущим созданы для жертвоприношения, жертвоприношение – для благополучия всего этого [мира]; поэтому убийство при жертвоприношении – не убийство». И чтобы окончательно развеять сомнения, учение говорит о том, что жертвенное убийство даже полезно животным: «Травы, скот, деревья, дикие животные, а также птицы, принявшие смерть ради жертвоприношения, получают опять [рождение, но в] более высоком состоянии».

Мясо разрешается: «окропленное», то есть оставшееся после жертвоприношений, с разрешения брахманов, а также «при опасности для жизни» – во время голода. Не возбраняется есть мясо и охотнику, для которого это способ существования: «Посмертный грех убивающего животное ради добычи не так велик, как [грех] вкушающего мясо из прихоти».

Далее следуют весьма грозные предупреждения о наказании тех, кто все-таки собрался есть мясо, при этом жертвенный аспект как-то сам собой выпадает и создается впечатление, что речь идет о мясе любом. «Сколько волос [на шкуре убитого] животного, столько раз убивающий животных из прихоти принимает насильственную смерть в будущих рождениях». «Мясо никогда нельзя получить, не причинив вреда живым существам, а убиение живых существ несовместимо с пребыванием на небесах; поэтому надо избегать мяса». «Имея в виду происхождение мяса и [необходимость при этом] убиения и связывания имеющих тело существ, надо воздерживаться от употребления в пищу всякого мяса». «Позволяющий [убить животное], рассекающий [тушу], убивающий, покупающий и продающий [мясо], готовящий [из него пищу], подающий [его к столу], вкушающий – [все они] убийцы». «„Меня (mam) тот (sa) да пожирает в будущем мире, мясо которого я ем здесь!“ – так мудрецы объясняют значение слова мясо (mamsa)».

Раздел этот о дозволенной и запрещенной пище заключается неожиданно: «Нет греха в употреблении мяса, спиртных напитков и в плотских удовольствиях – таков образ жизни живых существ; но воздержание [от всего этого приносит] большую награду». То есть речь, оказывается, шла не о запретах того, что естественно для человека, а лишь о воздержании от употребления этих вещей.

Земледелие и скотоводство – это не просто разные типы хозяйства и системы питания. Это разные типы людей, характеров, мировоззрений, сохранившиеся в определенной степени по сегодняшний день. И здесь мы сталкиваемся с интересным парадоксом. Казалось бы, победа осталась за земледельцем: все крупнейшие цивилизации базировались на зерне. Более того, они как спрут распространялись по миру и всюду несли с собой мотыгу и плуг, постепенно насаждая земледелие повсеместно. Процесс этот продолжается до сих пор. Скотоводы сплотились и были оттеснены на периферию цивилизаций (хотя и не земного шара, как охотники-собиратели). Время от времени создавали крупные и воинственные объединения и даже империи, вспомним киммерийцев, скифов, хунну, гуннов, Тюркский каганат, Монгольскую империю, но шествие зерна было стабильным и неотвратимым.

Отметим, что традиционное представление, распространенное в научной литературе, о том, что земледелие изначально было занятием женским, а скотоводство – мужским, представляется крайне сомнительным. Оно исходит из схемы, созданной для первобытного общества, согласно которой женщины занимались собирательством, то есть имели дело с растениями, а мужчины – с охотой. Эта схема исходит из здравого смысла, считающего охоту слишком тяжелым занятием для женщин, и опыта современных охотников-собирателей, в среде которых она реально существует. Однако земледелие и собирательство – это не одно и то же. Это особый вид хозяйствования, и земледельцы, все население, независимо от гендерной принадлежно-

сти, были сосредоточены исключительно на нем. Да, они сочетали посевы с содержанием особых, «домашних» видов животных, не нуждавшихся в специальном выпасе. И эти животные, как правило, были на ответственности как раз женской, так как жили при доме и нуждались в уходе. Но земледелие, с его высоким сакральным смыслом, представляется обязанностью в первую очередь мужской. Женское покровительство ничего не меняет в этой картине, богини-женщины покровительствовали и охоте.

Изначально именно древние земледельцы представляются активными и агрессивными, они теснят мирных пастухов, захватывая земли и рассматривая их деятельность как некое добавление к своей жизни, полезное, но не жизненно необходимое. Пастухи же, в своем древнейшем облике тесно связанные с охотниками, а чаще всего совмещающие охотничьи и скотоводческие функции, податливы и пугливы.

Со временем ситуация меняется на прямо противоположную: скотоводы превращаются в воинов и агрессоров, а пахари в мирных обывателей, неспособных к войне. Возможно, метаморфоза связана для первых с одомашниванием лошадей, традиционно это событие относят к IV тысячелетию до н. э., конный скотовод легко трансформировался в воина. Земледельцы же утратили свою воинственность, окончательно осев на земле и привязавшись к ней неразрывными путями, им теперь важно было сохранить, а не завоевать.

Но самое главное противоречие заключается в образах, которые сложились еще в древности. «Победитель» земледелец предстает бедным, убогим и замученным тяжким трудом, а пастух-скотовод имеет ореол царственности, величия и мудрости. И властная символика, сохранившаяся на многие тысячелетия, также связана со скотоводческим укладом.

Подобная несправедливость по отношению к главному производителю еды, а именно земледелец на много веков стал основным кормильцем человечества, не может не удивлять. Много сотен тысяч лет предки людей и сами древние люди добывали свою еду сообща, это было их основное занятие, как и у других млекопитающих. Это не значит, что не было других, но в процесс добывания, приготовления и сохранения пищи были вовлечены все. С появлением производящего хозяйства люди разделились на две большие группы: тех, кто производит еду, и тех, кто ее потребляет.

Производители – крестьяне, фермеры, земледельцы – оказались привязанными к земле и ее законам. Победители природы, они оказались в ее власти больше, чем другие слои населения, которым они освободили руки (и головы) для других занятий. Земледелец превратился в существо зависимое и подневольное – от земли, от смены времен года, от переменчивости погоды, от суеверий, связанных с желанным урожаем, наконец, от самого урожая, неудачи с которым стали казаться ему Божественным проклятием. Вся его жизнь сконцентрировалась на его тяжком труде. Он оказался на нижней ступени общественной иерархии, этаким бесправным кормильцем людей.

В дошедшем до нас древнеегипетском наставлении писцу, датированном серединой II тысячелетия, говорится об участии крестьянина. «Но вспомни об участии земледельца! Червь потравил одну половину посевов. Бегемоты доели вторую. А то, что осталось, описывают писцы. Мыши кишат повсюду. Саранча опускается на поле. Скот съедает посевы. Воробы – и те наносят ущерб земледельцу. А то, что ему удастся собрать на току, похищают воры. Нанимал крестьянин упряжки быков, а теперь они потеряли всякую цену: скот, измученный пахотой и молотью, подыхает. А потом причаливает к берегу писец и описывает весь урожай. Приходят сборщики с палками, приходят негры-стражники с пальмовыми розгами. Все они говорят: „Подавай зерно!“ А зерна нет. Они бьют земледельца без жалости. Они связывают его и бросают в яму с водой, вниз головой. На его глазах связывают жену, заключают в оковы детей. Покидают его все соседи и обращаются в бегство. Они заботятся лишь о своем зерне!»⁶⁴ (В

---

⁶⁴ Древний Египет. Сказания. Притчи. М., 2000. С. 432–433.

некоторых переводах вместо «зерно» употребляется «ячмень»). Вывод прагматичного наставника был прост: становись писцом и будешь всеми командовать.

Три с половиной тысячи лет спустя в далекой холодной России поэт сетовал на тяжелую крестьянскую долю:

Угоды наши скудные,
Пески, болота, мхи,
Скотинка ходит впроголодь,
Родится хлеб сам-друг,
А если и раздобрится
Сыра земля-кормилица,
Так новая беда:
Деваться с хлебом некуда!
Припрет нужда, продашь его
За сущую безделицу,
А там – неурожай!
Тогда плати втридорога,
Скотинку продавай.
Молитесь, православные!
Грозит беда великая
И в нынешнем году:
Зима стояла лютая,
Весна стоит дождливая,
Давно бы сеять надобно,
А на полях – вода!
Умилосердись, господи!
Пошли крутую радугу
На наши небеса!..
Деревни наши бедные,
А в них крестьяне хворые
Да женщины печальницы,
Кормилицы, поилицы,
Рабыни, богомолицы
И труженицы вечные,
Господь прибавь им сил!

(Некрасов Н. А. Кому на Руси жить хорошо)

Ни время, ни пространство оказались не властны изменить участь землепашца.

Другое дело – охотники и скотоводы. Охота с течением времени в обществе, называемом цивилизованным, стала главным образом уделом власть имущих, благородным развлечением, чем угодно, но не способом пропитания (мы не берем сейчас малочисленные остатки подлинных охотников, добывавших себе еду этим древнейшим способом). Скотоводы-кочевники сохранили ареол мужественности и отваги. Трудно сказать, в чем здесь дело: в древнем, еще первобытном превосходстве мяса, добываемого самыми сильными и отважными в племени? В той особой роли, которую охотники играли в древнем обществе еще до перехода к земледелию? Или в каких-то неизвестных нам эпизодах истории, случившихся в «темные века» между началом неолитической революции и появлением цивилизаций?

Самая что ни на есть земледельческая древняя цивилизация шумеров, провозгласившая бесспорную победу Зерна над Овцой, и та неожиданно отдает предпочтение пастуху, когда

речь заходит о браке с богиней любви. Инанна – главное женское божество шумерской мифологии, она покровительница не только любви, но и плодородия, изобилия, пропитания, семьи. В аккадской культуре ее звали Иштар, она одновременно и наследница первобытных женских божеств, и провозвестница длинной череды женских богинь грядущих дней. В женихи себе она выбрала земледельца:

Мой избранник, о ком мое сердце сказало,
Он без лопаты зерно сгребает.
Он закрома зерном заполняет.
Землепашец, он горы зерна взгромождает.

Однако ее брат не согласен с ней. Он считает землепашца недостойным богини-сестры и предлагает ей пастуха:

Как малая девочка, ты неразумна.
Дева Инанна, загон пастуха – священен.
Над бороздой кто склоняется – тебе ли он пара?
Инанна, тот, кто следит за канавами, – тебе ли он пара?
Супругом твоим пастух да станет.

Обращает на себя внимание указание на «священность» загона пастуха и на то, что земледелец относится к низшей сословной группе. Инанна, однако, сопротивляется и настаивает на своем выборе. Тогда брат ее приводит важный довод: вкусные продукты скотоводства. Судя по всему, зерно, хлеб и пиво были повседневной и обыденной пищей, а молочные продукты – лакомством:

Сестрица, да станет пастух тебе мужем!
Дева Инанна, отчего ты не хочешь —
Хороши его сливки, его молоко превосходно.
Все, что рука пастуха производит, – прекрасно.
Инанна, да будет Думузи тебе супругом!
Ты, кто сияющими камнями вся изукрашена,
отчего ты не хочешь?
Хороши его сливки, ты будешь их пить с ним вместе.
Ты, сень царей, отчего же ты не согласна?

Пастух, встретив земледельца, хочет завести с ним ссору, доказывая свое первенство в борьбе за руку богини. Но пастух неожиданно выказывает миролюбие и уступает без боя. В итоге пастух и земледелец обещают друг другу дружбу и поддержку. Думузи обещает: «Я пастух, и на моей свадьбе // Землепашец воистину другом мне станет!» А земледелец – принести дары, по-видимому сопровождавшие свадебный обряд: «Я принесу тебе пшеницы, я принесу тебе фасоли. // Чечевицы, зернышек ее чистых, воистину я тебе принесу! // Тебе, дева, все, что приносят»⁶⁵. Надо заметить, что пастух Думузи дорого заплатил за свое честолюбие. Но об этом в другой главе.

Пастух мистически связан с верховной властью. Неслучайно скипетр – один из важнейших символов царского правления, принятый еще фараонами, – по своему происхождению является пастушьим посохом. Фараоны и некоторые другие древние владыки держали в руках

---

⁶⁵ От начала начал. С. 127–130.

и плеть, еще один царственный и пастушеский символ. Конечно, объяснение такого особого отношения к пастухам может быть простым и прямым: царь хранит, опекает, собирает, окормляет своих подданных подобно тому, как пастух – своих овец. Однако аналогии такого рода редко бывали простыми и обычно имели скрытый смысл. Тем более что речь идет не о единичных случаях, а о повсеместных и протяженных во времени.

Многие античные цари были одновременно пастухами. Так, потомок легендарных дарданских царей, правнук Троя, Анхиз был пастухом. Интересно, что он был возлюбленным Афродиты, богини любви. А его сын Эней считается основателем многих европейских царственных династий.

Зевс ей забросил к Анхизу желание сладкое в душу,
Пас в это время быков на горах он высоковершинных...
...Она же
Прямо к пастушьим куреням приблизилась, сделанным прочно.
Там-то Анхиза-героя нашла. В отдаленье от прочих,
Он в шалаше пребывал, от богов красоты получивший.
Вслед за стадами бродили по пастбищам густотравистым
Все остальные. От них вдалеке, он туда и обратно
По шалашу одиноко ходил, на кифаре играя⁶⁶.

Афродита соблазнила пастуха, а он поплатился за свою несдержанность, правда, не столь жестоко, как Думузи. Однажды Анхиз выпил вина и расхвастался своей связью с богиней. В наказание Зевс ударил в него молнией, но Афродита успела отклонить ее. Пастух был спасен, но ослеп (по другой версии у него отнялись ноги). Эней, сын пастуха и Афродиты, спас отца из разоренной Трои, преданный сын вынес его на себе и взял с собой в свои странствия.

Не пренебрегали пастушеским трудом и греческие боги. Пас быков Аполлон. Пастухом был Дафнис. Охранял стада Пан.

Пастухами были и библейские цари: Авраам, Давид и другие. В Ветхом Завете пастушеская тема разнообразна и многопланова. Пастухом провозглашается ветхозаветный Бог, а люди его стадо, отсюда и обращение к нему: «Пастырь Израиля! внемли; водящий, как овец, Иосифа, восседающий на Херувимах, яви Себя» (Псалтирь, 79:2). «Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец», – говорит о себе Христос.

Посох – символ высшей духовной власти. Пастырь, паства, вся эта пастушеская терминология дожила в религиозном мире до наших дней.

Пастух воплощал и мистическое начало. На Руси еще совсем недавно пастухов почитали колдунами, владевшими тайнами природы. Русский этнограф XIX века С. Максимов писал: «пастух... владеет особой, необъяснимой и таинственной, силой, при помощи которой влияет на стадо и спасает его от всяких бед и напастей. Таких необычайных пастухов очень много в лесных местностях. Здесь верят, что они (по словам пастушьего заговора) оберегают скотину от «лютого зверя черного, от широколапного медведя, от переходящего пакостника-волка, рысуньи-волчицы, от рыси и росомахи, от змеи и всякого зверя, и гада, и от злого и лихого человека». Максимов отмечает, что в некоторых областях «леших, из благоговения к могуществу их, называют „пастухами“, потому-де, что они перегоняют с места на место скотину, которая, вследствие множества насекомых, в стада не сгоняется. Без помощи леших пастухам приходится худо, а лешие, начальствуя над зверями и перегоняя их с места на место, в пастушьих делах очень опытни»⁶⁷.

---

⁶⁶ Эллинические поэты. М., 1963. IV:75–80.

⁶⁷ Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 193.

Землепашцы тоже встречались среди царей и богов, но были гораздо более малочисленны и незначительны по своей роли в истории и мифологии. Пахал землю царь Саул, но был побежден пастухом и будущим царем Давидом. Пахарем был фригийский царь Гордий, тот самый, который прославился своим узлом. Много пахарей в славянских сказках, но чаще всего они просто труженики.

Противостояние земледелия и скотоводства определило и хозяйственное развитие человечества, повлияло на его религии, мифологию и мировоззрение, сформировало ритуалы и традиции, легло в основу различных систем питания. Скотоводство в чистом виде (не путать с земледельческим домашним пастушеством) все больше укрепляло связь с древним охотничьим типом хозяйства и мировосприятия. Земледелие становилось оплотом всего нового, движущегося вперед (даже если и не называть этих явлений «прогрессивными»).

В «темные же века», предшествовавшие историческому, т. е. обладавшему письменностью, времени, произошло еще одно важное событие, имевшее большие последствия для человечества. Оно получило ярлык «разделения языков», хотя речь, скорее, идет о разделении народов вообще, не только по языкам, но и по типам хозяйства, культуры и даже религиозным взглядам и образу жизни, в том числе и, что важно для нашей темы, принципам питания.

Наиболее известная версия этого события содержится в Ветхом Завете. Там эта история связана со строительством города и так называемой Вавилонской башни. Изначально язык (и культура) были едины для всех людей. «На всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там. И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести. И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели расеемся по лицу всей земли. И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город [и башню]. Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле» (Бытие, 11:1–9).

В истории этой много интересного и непонятного: и детальное описание начала градостроительства, совпавшего с разделением народов, и знание людей, что они вскоре будут «рассеяны» по земле, и страх Бога перед свершением людьми задуманного. Однако результат налицо – единое доселе человечество разделилось на разные народы, говорившие на разных языках, и заселило землю.

Есть схожая история и в шумерских мифах, и тоже разделение на «языки», т. е. народы, предстает как результат вмешательства на этот раз не напуганного, а завистливого бога. В нем говорится о далеких временах, «золотом веке» человечества:

В стародавние времена змей не было,
скорпионов не было.
Гиен не было, львов не было.
Собак и волков не было.
Страхов и ужасания не было,
В человечестве распри не было.
В те дни...
Вся Вселенная, весь смиренный народ
Восхваляли Энлиля на одном языке.
И тогда государь ревнивый,
князь ревнивый, господин ревнивый...
Энки, господин изобилия, властелин красноречия,

Всеразумнейший попечитель Страны...
Наимудрейший Эредуга владыка,
В их устах языки изменил, разногласие установил...⁶⁸

Обращает внимание тот факт, что разделение на языки связывается здесь с появлением распрей, т. е. культурное своеобразие народов привело к вражде. Схожая мысль прослеживается и в древнеиндийской мифологии, где богиня речи Вач «порождает споры между людьми»⁶⁹.

Есть своя версия и у античных авторов. В римском варианте это выглядит следующим образом: «Люди много веков назад жили без городов и законов, говоря на одном языке, под властью Юпитера, но когда Меркурий перевел языки людей, отчего переводчик называется „герменевтес“ (ведь Меркурия по-гречески зовут Гермес), и когда он же разделил народы, тогда между смертными начался раздор, что не понравилось Юпитеру»⁷⁰. После этого Юпитер передал власть над людьми первому царю Форонею, сыну Океана. Эта римская версия является пересказом греческих мифов, дошедших до наших дней в разрозненном виде.

---

⁶⁸ От начала начал. С. 105.

⁶⁹ Мифы народов мира. М., 1991. Т. 1. С. 219.

⁷⁰ Гигин. Мифы. СПб., 1997. № 143. Глава 4

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.